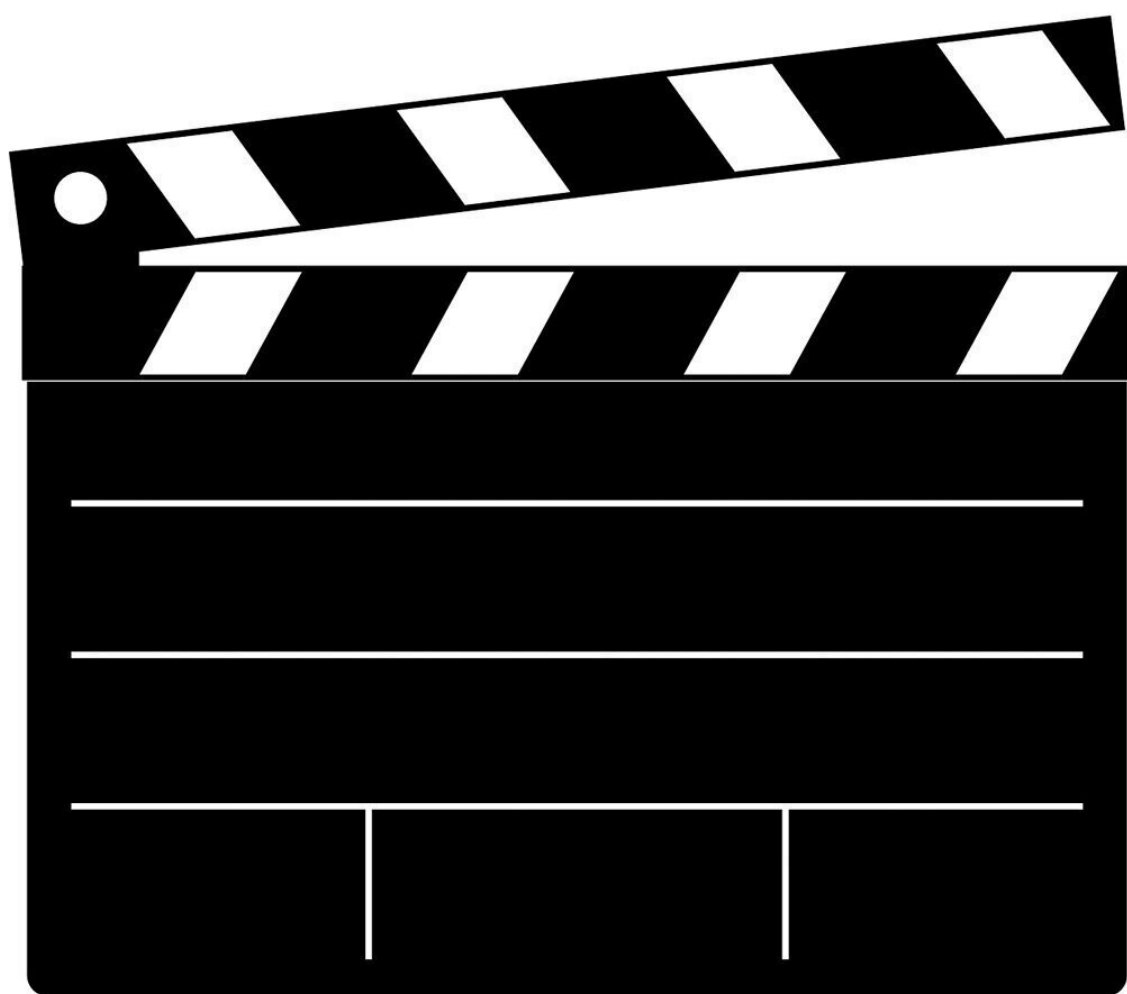

Валерия ВЕРБИНИНА

Смерть ей не к лицу

Валерия Вербинина
Смерть ей не к лицу

«Автор»

2013

Вербинина В.

Смерть ей не к лицу / В. Вербинина — «Автор», 2013

Все выглядело жутко, но эффектно: красивая женщина в нарядном платье лежит в луже крови с ножом в груди, белокурые волосы разметались по полу... Даже горничная, обнаружившая труп актрисы Натальи Тепловой, сказала на допросе: убитая выглядела точь-в-точь как в кино! Следователю Павлу Малышко это сразу показалось подозрительным: он заметил, что члены киногруппы, приехавшей в их подмосковный городок снимать сериал, относятся к смерти коллеги чересчур легкомысленно. И в один голос указывают на исполнителя главной роли Васю Королева, якобы вышедшего из номера Натальи вскоре после убийства. По слухам, Вася безуспешно добивался от нее взаимности, но мало кто знал – на самом деле его мысли занимала совсем другая женщина...

© Вербинина В., 2013

© Автор, 2013

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	12
Глава 3	19
Глава 4	25
Глава 5	33
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Валерия Вербинина

Смерть ей не к лицу

Этот роман является вымыслом, равно как и упомянутые в нем события, люди, имена и названия. Любые совпадения с реальностью абсолютно случайны.

Глава 1

Знак

Все неприятности начались, когда не разбилась тарелка.

Это была обыкновенная белая фарфоровая тарелка, в центре которой красовалась сделанная фломастером надпись:

«Все оттенки страсти»

Режиссер А. Голубец

Оператор Г. Спиридонов

Вокруг надписи теснились автографы членов съемочной группы – исполнителей главных ролей Васи Королева, Наташи Тепловой и Николая Смолина, а также актеров, которые играли роли второго плана. Была тут и подпись Леонида Варлицкого, звезды еще советских лет, который стал знаменит после съемок «Звезды Ильича» в 1964 году, а теперь довольствовался тем, что играл злодеев – непременно коварных и изворотливых – или любящих дедушек, добродушных, но крайне недалеких. В этом фильме ему досталась роль опекуна главной героини, ее родственника.

Съемки должны были начаться в живописном городе Дубки, расположенном в четырехстах километрах от Москвы. Для кинематографистов Дубки представлялись прямо-таки идеальным местом, потому что тут располагались районы типично советской застройки, в которых было удобно снимать ставшие модными фильмы о 70-х и 80-х годах прошлого века, нетронутый исторический центр времен императора Александра II, в совершенстве подходивший для съемок исторических сюжетов, и идиллические пейзажи, на их фоне можно снимать вообще что угодно. Кроме того, в десяти километрах от города находилось бывшее имение сахарозаводчика Бекетова, который в девятнадцатом веке промотал миллионы и кончил свою жизнь в психиатрической клинике. Однако прежде чем это случилось, он успел построить возле Дубков усадьбу в виде замка эклектичной архитектуры, соединившей готику и псевдомавританский стиль. Усадьба, более известная как Бекетовский замок, всегда манила кинематографистов, которые не преминули заметить, что с разных точек она смотрится совершенно по-иному – в точности как опытный актер, который мастерски преобразуется то в одного, то в другого персонажа, – и поэтому в каждом новом фильме ее можно было подать по-новому, в зависимости от требований сюжета. Здесь еще в советские времена снимали экранизации Дюма и Вальтера Скотта, а позже ни один сериал с исторической, мистической или мало-мальски зловещей подоплекой не обошел Бекетовский замок своим вниманием. Теперь в нем должны были снимать фильм о тайнах старого дома, наследнице, которая не знает, что она наследница, обаятельном злодее и его антагонисте, являвшемся воплощением всех мыслимых и немыслимых достоинств (но при этом зачем-то водившем дружбу со злодеем). Были тут и добро с кулаками (а также с пистолетом), и реки крови, и привидения, и тайны, не стоившие выеденного яйца, и драматическая развязка. Вообще сценарий вполне отвечал вкусам непритязательного зрителя,

и продюсер Владислав Барщак предвкушал неминуемый успех, тем более что ему удалось заполучить на главные роли красавицу Наташу Теплову, бывшую манекенщицу, и Васю Королева. Вася до этого снимался в сериале, в который набрали кого попало за три копейки. По мысли заказчиков (и продюсеров), сериал должен был продержаться 20 серий и навсегда кануть в кинематографическую Лету, но... То ли за сценаристами недоглядели, и они написали нечто куда более оригинальное, чем от них требовалось, то ли сыграла свою роль внезапно проснувшаяся харизма Васи, но рейтинг сериала взлетел до небес, и зрители потребовали продолжения. Сериал пришлось растянуть на 80 серий, затем на 140 и закрыть только тогда, когда сценаристы выдохлись окончательно, а актеры взбунтовались и потребовали поставить точку. После этого сериала Вася стал звездой первой величины, и Барщаку пришлось приложить некоторые усилия, чтобы заполучить молодого талантливую парня в свой проект.

– Вы с Наташей на экране будете такой парой! – посулил продюсер. – Чем черт не шутит, может, вас даже в Голливуд пригласят после этого фильма...

Однако Вася, уже разобравшийся, как в кино делаются дела, пропустил слова собеседника мимо ушей.

– Я не буду сниматься 18 часов в сутки, – заявил он. – Мне хватило этого счастья на съемках «Заколдованного интерната».

– Да ты что, какие 18 часов! – жизнерадостно заверил его продюсер. – У нас же не сериал, в конце концов... Вот, мы уже составили съемочный план. Сначала натурные сцены в Дубках, потом съемка на студии, но ее меньше. Все будет тип-топ! Ты мне веришь?

Вася поверил (хоть и знал, что в кино верить никому нельзя), и контракт подписал. Однако в съемочной группе нашлись люди, которые не разделяли энтузиазма продюсера.

– Знаю я эту мистику, – глубокомысленно изрек оператор Спиридонов, тощий, желчный и язвительный мужчина неопределенного возраста. – Свяжешься – потом фиг развяжешься...

Спиридонов ни капли не был суеверен, но в кино каждый любит выдавать себя за то, чем не является, и оператору льстила мысль, что он может нагнать страху на съемочную группу. Однако его поползновения в корне пресек режиссер Антон Голубец.

– Не нравится – уходи с проекта, – бросил он. – В чем проблема-то?

Голубец предпочитал работать с оператором Шаповаловым, но тот был занят в другом фильме, и Антону пришлось согласиться с кандидатурой Спиридонова. Оператор злобно покопился на режиссера своими глубоко посаженными черными глазками и про себя решил, что так этого Голубцу не спустит. А так как Спиридонов был человеком языкастым, то с его подачи режиссера за глаза вскоре стали называть не иначе как Пельмень и Салат оливье.

Итак, 20 июня в Дубках высадился первый десант съемочной группы. Кое-кто уже раньше бывал здесь, но на остальных переход от суматошной столицы к патриархальной глубинке произвел неизгладимое впечатление. Конечно, скромные Дубки, которые едва насчитывали 60 тысяч жителей, не могли идти ни в какое сравнение с Москвой; но не только величина города, где гостям предстояло работать следующие полтора месяца, изумила их.

– Ребята! У них тут такси 100 рублей, представляете? В любую точку города!

– А какой тут воздух! Просто дышишь полной грудью после Москвы...

– А водители в маршрутках? Они же все русские! Вы видели?

– Только дворники, по-моему, таджики, как у нас...

Дольщик Вова – в кино дольщиком именуется рабочий, прокладывающий рельсы, по которым катят камеру, – в первый же день смотался с удочкой на реку Дубянку и приволок оттуда такую здоровенную рыбину, что снискал зависть всей съемочной группы. Побросав дела, мужская часть группы, а также кое-кто из женской обзавелись удочками и отправились рыбачить. Стояла великолепная погода, в небе не было видно ни облачка. Во все головы закралась одна и та же крамольная мысль: а на фиг кино, когда и так хорошо? Забыв обо всем на свете, Дина, девушка-фотограф, ходила и с восторгом щелкала окружающие виды. Ей нрави-

лось все: и фантастический замок, который особенно причудливо выглядел на закате, и река, и близлежащее озеро, и центр города с историческими постройками, и даже уродливые советские дома-коробки, на фоне которых снимались такие хиты, как «Мы из 80-х» и «Здравствуйте, я советский человек».

– Ничего, ничего, – с усмешкой заметил Спиридонов, обладавший крайне неприятным даром говорить людям именно то, чего они не желали слышать. – Скоро явится наш великий продюсер и обломает весь кайф.

Барщак приехал через несколько дней, вместе с актерами, которые должны были сниматься в фильме. Для них зарезервировали один из двух корпусов гостиницы «Мечта», дабы никто не отвлекал их от творчества. Менее значимая часть съемочной группы поселилась в бывшем общежитии, которое несколько лет назад превратилось в гостиницу «Слава». Летом в Дубках не так-то легко найти сносное жилье – даже если в окрестностях не снимали очередной фильм, в город часто приезжали спортивные и юниорские команды, для тренировок которых еще в советские времена была создана целая спортивная база с полями и дорожками, а кроме того, не следовало сбрасывать со счетов многочисленные туристические группы, которые заворачивали сюда взглянуть на замок. Само собой, оператор и режиссер-постановщик жили не в скромной «Славе», а в более отвечающей их статусу «Мечте».

Помимо актеров, Барщак привез с собой сценаристку Марину Шереметьеву, чем немало озадачил свою свиту. В нашем кино сценарист – человек, который лишь косвенно связан с производством, хотя без него фильма как такового вообще не существует. Для актеров сценарист – это тот самый идиот, который пишет диалоги, которые хрен произнесешь по-человечески, для режиссера – заведомый халтурщик и враг номер один, потому что режиссеру всегда хочется переписать все, что написано в сценарии, от первого до последнего слова. У остальных членов съемочной группы к сценаристу всегда имеются свои претензии, порой самые неожиданные. Если он прописывает драку, его ругают каскадеры и постановщики трюков, если он вводит в сценарий животных, ассистенты бледнеют и начинают подумывать о самоубийстве, а если сочиняет сцену на воде или ночной эпизод, его дружно клянет вся съемочная группа. Автор сценария всегда и везде – причина неисчислимых мучений киношников, даже если он ухитрится ограничиться тремя персонажами и все действие втиснуть в одну комнату. В «Оттенках страсти» были и ночные сцены, и съемки на воде, и животные, и драки, и эпизоды, требующие спецэффектов, поэтому кудрявую миловидную Марину в очках без оправы встретили не слишком дружелюбно.

– Я все-таки не понимаю, – начал «главный злодей» Николай Смолин, – какого черта мой герой в финальной сцене столько говорит? Пока он болтал, его подстрелили! Он что, совсем лох?

В жизни мускулистый, с перебитым носом Николай больше всего походил на боксера-неудачника и красотой, прямо скажем, не блистал, но на экране он дивным образом преобразался, камера его любила. Услышав его слова, Марина слегка поморщилась.

– У меня был другой финал, – сказала она. – Там вообще все заканчивалось иначе. Но Барщак потребовал, чтобы я все переписала.

Она не стала говорить, что продюсер собирался переделать еще несколько сцен, и именно поэтому вытащил ее на съемку. У нее самой фильм, сценарий которого стоил ей столько мучений, не вызывал ничего, кроме раздражения. Особенно название, на котором настояла кинокомпания, выводило ее из себя. «Все оттенки страсти», ну надо же, до чего оригинально!

– Да уж, со Славой не поспоришь, – хмыкнул Николай.

Спустив на кончик носа темные очки, он покосился поверх стекол на Наташу Теплову, которая только что появилась. Про нее говорили, что она, как никто, стержовзна и, как никто, очаровательна. Друзья уверяли, что у нее самые красивые глаза на свете, а враги – что у нее нет ни капли таланта и она просто вешалка, которая возомнила себя актрисой. На Наташе был

ситцевый сарафанчик в мелкий цветочек, на ком-нибудь другом этот сарафанчик висел бы обыкновенной тряпочкой, но только не на Наташе. Она принадлежала к редкому типу женщин, которые делают красивой и интересной любую вещь, на них надетую, и это качество в свое время помогло ей сделать неплохую карьеру манекенщицы. Теперь она снималась в кино, где большие глаза, белокурые волосы и великолепная осанка не без успеха заменяли ей отсутствие таланта. Все на свете давалось ей легко, и к съемкам она относилась как к забавному балагану, участие в котором приносит хорошие деньги. Точно так же до того она относилась к фотосессиям – ей всегда казалось смешным волнение всех заинтересованных лиц по поводу того, как смотрится то или иное платье, о котором через неделю никто уже не вспомнит. Наташа обладала даром притягивать к себе людей, и уже через минуту вокруг нее собралась небольшая толпа. Не было слышно, о чем говорила актриса, но то и дело слышался ее залихватский смех.

– Я все-таки скажу Славе насчет финала, – заметил Николай Марине, не отрывая взгляда от актрисы. – Может, мне удастся его переубедить.

При мысли, что ей придется в очередной раз переписывать финальную сцену, Марина почувствовала прилив злости. Она резким жестом отставила бокал, и сок выплеснулся через край на скатерть.

– Как тебе не совестно, Коля! – заметил подошедший Спиридонов, ухмыляясь.

– Чего я? – насупился тот, чуя подвох.

– Такую красивую женщину – и будешь резать! – Он указал глазами на Наташу. – Ай-ай-ай!

– Да при чем тут я, это все сценаристка придумала, – пожал плечами Николай, словно Марины тут не было. – Я-то что? Велят резать – будем резать, велят душить – будем душить...

– Душить некиногенично, – заметил неисправимый оператор. – Вот резать – это да! Море кровищи, – произнес он. – Лепота!

Николай не стал вступать в дискуссию, а retirовался к столу Наташи. Спиридонов сел на его место и с любопытством покосился на сценаристку. Марина молчала и хмурилась. В ней была замкнутость, свойственная людям, которые слишком много времени проводят за компьютером, и, хотя оператор не отдавал себе в этом отчета, он подыскивал фразу, которая могла бы в одно мгновение разбить эту броню.

– Как вам Дубки? – наконец спросил он.

Марина пожала плечами.

– Не знаю. Я еще не видела город. Мы приехали только вчера...

– Пейзажи тут – пальчики оближешь, – доверительно сообщил Спиридонов. – Местные власти в лепешку расшибаются, чтобы нам угодить, Славе даже ничего платить не пришлось.

– А замок?

– Съемки в замке, конечно, за деньги, но они просто смешные. Вообще народец тут хороший. Бабы так, ничего... симпатичные...

«Боже, какой пошлый дурак», – с тоской подумала Марина.

«Интересно, спит она со Славой или нет?» – думал оператор. Для него не было секретом, что продюсер разводится с женой, причем борется за то, чтобы отобрать у нее их общего ребенка. Барщак нанял лучших адвокатов, а дочь выкрал, когда та была на прогулке с няней, и увез к своей матери.

– Вот только до Москвы далеко, – продолжал Геннадий. – Полтора месяца в экспедиции не всякий выдерживает. Начинаются всякие истории, романы...

– Как начинаются, так и заканчиваются, – парировала Марина.

«А ты крепкий орешек, оказывается, – не без уважения помыслил Спиридонов. – Интересно, кто тебя кинул? И серьезно, судя по всему».

– Сегодня первая съемка, – сказал он вслух. – Будем тарелку разбивать.

К их столу подошла Дина. Она любила яркие цвета, но в жизни всегда одевалась в черное, собирала винтажные ароматы, но мало кому давала знать о своем увлечении. Вообще-то Дину изначально собирались поселить в бывшем общежитии, но там не хватило номеров, и ее вместе с ассистенткой гримерши определили в самый скромный номер «Мечты» на верхнем этаже, где к тому же слегка протекала крыша.

– Свободно? – спросила она. Марина кивнула, и девушка плюхнулась на стул.

– Это наш фотограф, – представил ее Спиридонов. – А это – Мариша, сценаристка.

Марина терпеть не могла, когда ее называли Маришей. Глаза ее сердито сверкнули, и она враз похорошела. Оператор молча наслаждался. В его представлении сценаристка была тихим омутом, и он был несказанно доволен, что ему удалось этот омут расшевелить – хотя ни один человек на свете, включая его самого, не смог бы ответить на вопрос, зачем ему это нужно.

– Остальных вы уже знаете? За тем столом Пельмень... пардон, Пирожок... я хотел сказать, Голубец – наш режиссер. – Дина фыркнула с набитым ртом. – Рядом с ним Володя Сокольский – наш мастер на все руки. Нужна живая гадюка – достанет. Жар-птицу – тоже. Съемки на режимном объекте – тоже он. Без него Слава спекся бы в одночасье... В углу сидит Леня Варлицкий, он на диете, ему еду отдельно подают.

– А у него можно автограф попросить? – несмело спросила Марина. – Для моей мамы, она очень любит фильмы с его участием...

Спиридонов усмехнулся.

– Да попросите, конечно, ему очень приятно будет... Только смотрите, как бы остальные актеры не обиделись.

– С чего это им обижаться?

– Ну как? Вы у него автограф спросили, а у них – нет.

Глаза Марины колюче сузились.

– Варлицкий – актер с большой буквы, а они – просто актеры... и то под большим вопросом.

– О боже! – простонал оператор, изображая комический испуг. – Только не выдавайте нас, Мариша, умоляю вас! По Васе Королеву полстраны с ума сходит... а вы так сразу, неделикатно – не актер!

– А где Вася? – внезапно спросила Дина. – Что-то я его здесь не вижу...

Вася Королев поразил Дубки, приехав на роскошной спортивной машине. Вася был фанатом автомобилей и заработанные на «Заколдованном интернате» деньги потратил не на квартиру в Москве, а на покупку нескольких авто и охраняемого гаража для них. Он настолько явно предпочитал копание в моторах общению с людьми, что в съемочной группе его как-то враз невзлюбили. Кроме того, свою роль сыграла и элементарная зависть – многие актеры считали, что успех пришел к этому недоучке из провинции слишком быстро.

– Гена, где Вася? – крикнул Баршак с соседнего стола.

– Я ему что, отец или мать? – хмыкнул оператор. – Понятия не имею, где он.

– Володя! Нет, стой, ты мне здесь нужен... Пошли кого-нибудь за ним. Он что, еще спит?

– Щас выясним, – флегматично ответил Володя.

Рыженькая веснушчатая Лариса Панова, сидевшая за одним столом с Наташей, таинственно улыбнулась. Она играла подругу главной героини – роль, которую обычно актрисы не слишком жалуют, потому что она не дает никаких возможностей показать себя. Подруга должна всегда выступать как бы фоном и ничем не выделяться, а это явно не то, о чем мечтает большинство женщин, идущих в эту профессию.

– А вдруг с ним что-нибудь случилось? – спросила Лариса. – Прикольно будет! Такие съемки... детектив, мистика...

– И Васю находят с перерезанным горлом, – с готовностью подхватил Николай.

– Не шутите так, а то Славу инфаркт хватит, – попросила Наташа. И первая же залилась смехом.

Сорокалетний актер Дымов, игравший одну из ролей второго плана, укоризненно покачал головой. У него было помятое лицо алкоголика, и снимался он, как правило, в перерывах между запоями.

– Как можно так говорить о нашей супер-пупер-звезде! Ни стыда у вас, ни совести...

– А что такое? – Лариса сделала большие глаза. – Наташа тоже звезда не меньше... как и Коля, между прочим!

– Видели, сколько народу к нему вчера кинулось за автографами? – неприязненно заметила Зинаида Неволкина, главный гример, сидевшая за одним столом с Наташей и ее свитой. – Интересно, сколько часов они его ждали у гостиницы?

«Он», разумеется, был Вася Королев, а вовсе не кто-то другой.

– Служащие говорят, они с утра там караулили, – сухо бросил Николай.

– Любовь – страшная штука, – беспечно заметила Наташа.

– Говорят, Слава заплатил ему в полтора раза больше, чем тебе, – добавил Дымов.

– Да ну? – Актриса сразу же напряглась.

– По-моему, он вообще не умеет играть, – добавил Николай.

«Можно подумать, ты умеешь», – мелькнуло в голове у Ларисы, и она широко улыбнулась. По большому счету, люди, сидящие с ней за одним столом, были ей безразличны, но она предпочитала держаться среди них и подыгрывать им, чтобы они не пошли против нее. У Ларисы уже был негативный опыт съемки в одном сериале, когда она не смогла подружиться с исполнительницей главной роли, и та вскоре ее выжила, заставив продюсеров убить Ларисин персонаж. Тогда молодая актриса твердо решила, что больше не повторит такой ошибки.

Дверь ресторана отворилась, и шаркающей походкой, зевая на ходу, вошел Вася Королев. На нем были драные джинсы и какая-то невообразимо аляповатая майка, но со своими золотистыми волосами, правильными чертами лица и широким разворотом плеч он все равно походил на языческого бога, который лишь по недоразумению оказался среди людей.

– Явился не запылится, – мрачно сказала Зинаида, ковыряя ложкой десерт.

Лариса хихикнула.

– Всем привет, – сказал Вася.

– Что так поздно? – поинтересовался Николай.

– Проспал. Я вообще сова.

– Ты не похож на сову, – заметила Лариса, глядя на него прозрачными серыми глазами, в которых плясали смешинки.

– Поклонницы одолевают? – небрежно осведомился Дымов.

Как он ни пытался скрыть свою зависть, она прослеживалась в каждой нотке его хрипловатого баритона – типичного голоса человека, который слишком много пьет.

– Да нет, – ответил Вася на вопрос, подумав. – Не очень.

Наташа засмеялась.

– Тебя же вчера чуть на сувениры не порвали! Мы собственными глазами видели...

– Ты охрану у Славы попроси, – посоветовал Николай. – А то мало ли что.

– Да ладно, хорош прикалываться, – беззлобно ответил Вася. Но, очевидно, даже при всем своем добродушии он почувствовал направленную в его адрес волну враждебности, потому что сел не за актерский стол, а за тот, где сидел продюсер.

– Н-да, интересное кино наклеывается, – сказал Спиридонов Марине.

Сценаристка ничего не ответила. Раньше Вася ей скорее не нравился, чем нравился, но теперь, увидев его, она впервые подумала о том, что с ним, пожалуй, фильм может получиться. Он прямо-таки излучал обаяние, и можно сколько угодно утверждать о том, что это обаяние

бесхитростного, очаровательного, примитивного существа, но оно было, и с ним приходилось считаться.

– Нам уже надо выезжать, – сказал продюсер Васе.

– Дай мне позавтракать хотя бы, – спокойно ответил тот. Барщак смирился и объявил на весь зал, что они выезжают на съемку через полчаса.

...Они выехали через час, и прошло еще два, прежде чем установили аппаратуру, подготовили все для съемки и загримировали артистов. Дина снимала и снимала своим фотоаппаратом, как заведенная, Марина нервничала и чувствовала себя совершенно ненужной, а шутки Спиридонова выводили ее из себя. Помощница гримера Надя, девушка в косичках, с множеством сережек в ушах и пирсингом на губе, поправляла грим на Ларисе, то и дело оглядываясь на Васю, который ей явно очень нравился.

– Ну что, разбиваем тарелку? – задорно прокричал Голубец.

Он не сомневался, что этот фильм будет его большим успехом, хотя у него имелись кое-какие претензии к сценарию, да и не все актеры его устраивали; но с такими звездами, как Королев и Теплова, можно было не опасаться провала.

– Я разобью, я! – крикнула Наташа.

– Стойте, стойте, – вмешалась Дина, – дайте я сначала сниму вас с тарелкой, пока она цела!

С покрытой автографами тарелкой позировали сначала актеры, потом продюсер, затем режиссер. А после под веселые крики съемочной группы Наташа бросила тарелку на землю...

– А тарелка-то не разбилась, – флегматично заметил дольщик Вова. – Быть беде.

Антон тихо выругался сквозь зубы. Хорошенькое начало съемок, ничего не скажешь!

– Ты что, купил небьющуюся тарелку? – заорал Барщак на Володю. Какая бы накладка ни происходила на съемочной площадке, именно Володя всегда оказывался крайним. – Совсем охренел?

– Да обычная фарфоровая тарелка! – оправдывался Володя.

– Почему же она не разбилась?

– Да случайно!

– Такие случайности, мать твою...

Дальше последовал замысловатый набор ругательств.

– Хватит вам, – прервал ссору Вася. – Дубль два!

И, брошенная его рукой, тарелка послушно разлетелась на несколько кусков. Съемочная группа успокоилась, раздались даже жидкие аплодисменты. Осколки тотчас же разобрали на сувениры, вплоть до самого мелкого кусочка.

– Снимаем! – рявкнул Барщак. И уселся на свой именной стул.

– Не к добру все это, – вполголоса промолвил Спиридонов, качая головой.

– Заткнись и займись делом, – оборвал его Голубец. Однако у него самого на душе кошки скребли. Тарелка, не разбившаяся в первый съемочный день, – хуже приметы трудно было придумать.

«Ненормальные они все, что ли? – с тревогой подумала Марина. – Столько шуму из-за какой-то тарелки...»

Но тут она услышала, как Вася Королев произносит первую реплику, и с обострившимся любопытством стала следить, как на ее глазах рождается кино.

Глава 2

Сплошные прелести

Вопреки ожиданиям, первый съемочный день прошел без сучка без задоринки, и Голубец отснял все сцены, которые значились в плане. А затем начались бесконечные мучения.

Сначала сорвался Дымов. После съемок он напился так, что стал непригоден к дальнейшей работе. Режиссер смирился и перекроил съемочный план так, чтобы два дня снимать без Дымова. Однако актер не только не использовал паузу для того, чтобы прийти в себя, – он еще усугубил положение тем, что стал пить не просыхая.

– Зачем вообще взяли этого алкаша? – кричал Антон. – Я не могу его снимать! Перепишите сценарий и выкиньте его роль или берите другого актера!

– Ага, щас! Как будто это так просто! – огрызнулся Барщак.

Много лет занимаясь производством фильмов, он научился смиряться со стихийными бедствиями, с перерасходами и даже с актрисами, которые залетали именно тогда, когда предстояли самые сложные и ответственные съемки. Тем не менее он раз за разом попадался на удочку таких людей, как Дымов, которые клялись, что завязали и больше капли в рот не возьмут, а потом преспокойно нарушали свои обещания, когда все договоры были подписаны и Барщаку было уже некуда отступать. В съемочной группе «Оттенков страсти» собралось несколько таких кадров, и никто не знал, как на них можно повлиять. К примеру, художник-постановщик Алексей Снегирь, человек, безусловно, талантливый, который делал все от него зависящее, чтобы окончательно утопить свой талант в водке. Хотя он появлялся на площадке исправно, все знали, что он присутствует чисто номинально, а всю работу за него выполняет его маленькая безропотная жена, числящаяся ассистенткой.

– Может, потом, когда Дымов придет в себя... – попытался найти компромисс Барщак.

– Когда это он придет в себя, а? К тому же у него должны быть крупные планы... а его и на среднем снимать страшно, с такой мордой!

– Но где я тебе найду другого актера?

– Где угодно! Но только чтобы он не пил! Или пил так, чтобы я об этом не знал!

Вызвали Марину, но после консультаций стало ясно, что роль Дымова ни выкинуть, ни сократить не удастся. Барщак смирился и отправил актера обратно в Москву, а вместо него вызвал на съемки Андрея Глазова, крепкого профессионала сорока семи лет, о котором поговаривали, что он не пьет и даже не ест лишнего из-за патологической жадности.

Глазов тоже не вызвал у режиссера особого энтузиазма, правда, по другому поводу:

– Он не начнет мне тут скандалить с Наташей, а?

Маленький взъерошенный Барщак позеленел. Только сейчас он вспомнил, что Глазов был тем любовником Наташи, который, собственно, и привел ее в кино – после чего она преспокойно его бросила.

– Конечно, начнет, – подлил масла в огонь присутствующий при разговоре оператор. – Зря, что ли, тарелка не разбилась...

– При чем тут тарелка? – начал заводиться Антон. – Всем и без всякой тарелки известно, что Дымов пьяница и снимать его – себе дороже! И про Глазова с Наташей тоже известно, что она использовала его, а потом выкинула из своей жизни! А у них одни совместные сцены по сценарию...

Продюсер, оператор и режиссер при этом почему-то дружно воззрились на Марину, которая благоразумно хранила молчание.

– Синема, – вздохнул Спиридонов.

– Может, у тебя получится снимать их по отдельности? – несмело предположил Барщак. Обычно он цепко держал нить съемки в своих маленьких пухлых ручках, но сейчас – сейчас что-то разладилось с самого начала, и нить ускользала от него.

– Особенно когда они на диванчике сидят, и он ей в любви объясняется, – зловеще ухмыльнулся Геннадий. – Даже не надейтесь!

– Да ладно вам, – вмешался Володя. – Андрей недавно снимался с бывшей женой, и ничего. Он отличный актер и на съемках не позволяет себе никаких фокусов. Не думаю, что с ним у нас будут проблемы. Да и Наташа, по-моему, больше занята Васей, чем мыслями о своих бывших.

– Васей? – удивился Голубец. – А я думал, у нее роман с Колей.

– Ты ее плохо знаешь, – усмехнулся Володя. – Это только чтобы Васю разжечь. Коля ей сто лет в обед не нужен.

– Кстати, нам не помешает пиар, – продюсер увидел возможность переключиться на близкую ему тему и с готовностью ухватился за нее. – Может, дать знать журналистам? Ну, насчет Наташи с Колей.

– Лучше уж Наташи с Васей, – пробормотал Спиридонов, косясь на Марину. – Коля, конечно, звездит, но какая он на хрен звезда? Так, проходной фуфлогон для ролей второго плана.

– Стоп-стоп, – вмешался Володя. – Минуточку, съемки только начались, и что – мы тут же вбросим самый вкусный сюжет? Фильм выйдет лишь в следующем году. Какая нам польза от того, что мы сразу предъявим все наши козыри? Через полгода все уже забудут о том, что было сегодня. Вот если бы ближе к концу съемок...

Барщак заколебался.

– Но про Наташу с Колей сейчас ведь можно дать инфу?

– Про Колю – конечно. Но с романом главных актеров лучше повременить, тем более что у них по жизни ничего пока нет. Вот когда мы будем снимать на студии...

– Ты, главное, Васю не забудь предупредить, – ухмыльнулся Спиридонов. – Когда, как и в какой позе. А то вдруг он с моментом промахнется...

Марина слушала этот разговор, не веря своим ушам, и надеялась только на одно: что на лице у нее не отражается все то, о чем она думает в эти мгновения. Пиар. Роман. Удачный момент. Ах, киношники, киношники, до чего же вы все... занятные, черт побери! И она почти перестала жалеть, что в свое время проглядела в контракте набранный мелким шрифтом пункт, который позволял продюсеру в случае надобности вытащить ее на съемки и дорабатывать сценарий уже на площадке. Изнанка кинематографического процесса оказалась настолько захватывающей, что Марина едва успевала фиксировать впечатления. Вот и сегодня: едва ее отпустил продюсер, который на прощание небрежно велел переписать сцену любовного объяснения героев, как уже в коридоре в Марину вцепилась Надя.

– Ты не знаешь, где Вася?

Марина подумала и честно ответила, что видела, как с час назад он укатил на своей машине.

– Один?

– По-моему, да. А что?

...Впрочем, она сразу же поняла, в чем дело, только поглядев на лицо молодой ассистентки гримера.

– Он тебе нравится?

Надя вспыхнула.

– Если и так, что с того?

В ее голосе вызов смешался с отчаянием. Постороннему наблюдателю съемочная группа кажется чем-то компактным, чем-то, чьи члены равноправны, но на самом деле это вовсе не

так. Актеры, исполняющие главные роли, могут относиться свысока к актерам начинающим, режиссеры и операторы сполна отыгрываются на своих ассистентах, а об осветителях и дольщиках и говорить нечего – это кинорабы, с которыми никто не считается. Надя могла хоть каждый день поправлять грим Васе Королеву и беседовать с ним о погоде – это вовсе не означало, что он заметит ее или будет воспринимать как равную себе. Кроме того, сам Вася держался замкнуто и обособленно, и в группе сразу же сочли, что он зазнался. Марине же казалось, что звезда и мечта половины страны попросту болезненно застенчив, но она была достаточно умна, чтобы не настаивать на своей теории.

– Ладно, не переживай, – примирительно сказала она Наде. – Пойдем лучше выпьем чего-нибудь.

– Не могу, – девушка поморщилась. – Барщак запретил давать гримерам спиртное.

– Почему?

– Из-за Зины.

– Главной гримерши?

– Ну да. Год назад у нее муж погиб в автокатастрофе, и Зина стала сильно пить – просто ужасно. Потом лечилась, закодировалась и всякое такое... Она уверяет, что больше спиртного в рот не берет, но на всякий случай Слава решил подстраховаться и велел: никому из гримеров – ни капли.

– Чего так, всех сразу наказывать?

– Понятия не имею. Может, он думает, мы вместе будем пьянствовать?

– А что ж он за Дымовым недоглядел?

– Дымов – алкоголик со стажем, углядишь за ним, как же... Он с собой термос привез, а в термосе водка. Да и любой дольщик ему за деньги бутылку принесет, это не проблема.

– Получается, все бесполезно, – флегматично подытожила Марина. – Ладно, идем тогда попьем соку.

В баре к ним присоединилась Дина, и три молодые женщины устроились за столиком возле окна.

– Ты не знаешь, где Вася? – спросила Надя.

– На гонках, – отозвалась Дина.

– Каких еще гонках? – напряглась девушка.

– Он на машине, Наташа на мотоцикле. Тут возле города – дорога недостроенная, гоняй не хочу... Зинка, Коля и Лариса с ними отправились. Меня тоже приглашали, но с меня хватило сегодняшних съемок.

Надя ничего не сказала, но по ее лицу Марина прочитала, что гримерша отдала бы все на свете, чтобы быть сейчас на гонках, а не здесь.

– Откуда у Наташи мотоцикл? – спросила Марина.

– Одолжила у Димы, помрежа. Я и не знала, что она умеет на них ездить. Только это все фигня, чтобы Васю зацепить. Вне съемок он на нее и не смотрит.

– Думаешь? – недоверчиво спросила Надя.

– Что тут думать? Она к нему и так, и эдак, а он от нее нос воротит.

Надя насторожилась.

– Слушай, а он, часом, не голубой?

– Я не проверяла, – спокойно откликнулась Дина. – По-моему, ему просто не повезло с девушкой, поэтому он не очень торопится новые отношения завязывать.

– А что у него было с девушкой?

– Ну-у, – протянула Дина, – насколько я знаю, они собирались пожениться, но девушке подвернулся какой-то банкир или топ-менеджер... короче, с деньгами. И он ее увел. Это было, когда Вася еще жил во Владивостоке. Он вообще не любит ту историю вспоминать...

– Как она теперь, должно быть, жалеет, – хмыкнула Надя, и в ее глазах сверкнули недобрые огоньки.

– Если банкир ее не бросил, то вряд ли жалеет, – не удержалась Марина.

Надя посмотрела на нее невидящим взором и стала нервно водить пальцем по кромке стакана.

– А правда, что Глазова вызвали вместо Дымова? – спросила Дина.

Марина кивнула.

– Цирк с конями, – поморщилась девушка-фотограф.

– Почему? Актер он отличный.

– Ты не знаешь, какой он злопамятный, – хмыкнула Дина. – Помнишь нашу мевшую историю, как худрука выгнали из театра? Так вот, бунт против него организовал Глазов, потому что тот когда-то его оскорбил. Андрей ничего не прощает, а тут будет его бывшая, которая об него ноги вытерла. Он точно отыграется, я тебе говорю!

– Как тарелка не разбилась, все пошло наперекосяк, – вздохнула Надя.

Тут Марина поймала взгляд человека, который одиноко сидел в углу, и, так как ей до смерти надоели разговоры про злополучную тарелку, поднялась с места.

– Извините, я сейчас...

Она подошла к Леониду Варлицкому и, краснея, представилась:

– Я Марина Шереметьева, автор сценария... Вы, может быть, видели меня на съемочной площадке... Моя мама очень любит ваши фильмы, Леонид Юрьевич... Я хотела бы попросить у вас автограф для нее, если вас не затруднит.

– Да, конечно, конечно, – улыбнулся старый актер. В глубине души он был немного удивлен тем, что автор сценария (который он сам считал редкой чепухой) оказалась такой приятной молодой женщиной. – Как зовут вашу маму?

Он расписался на открытке, которую загодя приготовила Марина, и подумал, что бы еще сказать, но слова не шли на ум. Среди людей младшего поколения, заполнивших площадку, Варлицкий чувствовал себя каким-то динозавром. Он не понимал их язык, их разговоры, их интересы. Они принадлежали к совершенно другой эпохе – гаджеты, компьютеры, вай-фай, навигаторы, чувак, типа того, офигеть... Он наблюдал за ними, как за какой-то разновидностью человекообразных животных, и, наблюдая, не мог не признать себе, что они ему на редкость неприятны. Актеры, кое-как произносившие на камеру слова в сериалах, были непрофессиональны, режиссеры притворялись всесильными, но бледнели от одного окрика продюсера, и многие люди, присутствующие на съемочной площадке, разбирались в чем угодно, только не в том, как надо делать кино. Как Гамлет, которого он некогда играл, Варлицкий говорил себе: «Век вывихнулся» – и понимал, что исправить что-либо он уже бессилён. Он заботился лишь о том, чтобы добросовестно отрабатывать гонорар, и зачастую играл почти на автомате – выручали наработанные за годы актерские клише. Впрочем, у актера такого уровня, как Варлицкий, даже клише смотрелись как оригинальная работа – расслабляться себе он не позволял.

Он нашел все же несколько любезных фраз для Марины и даже похвалил ее сценарий. Однако она уже знала цену актерским похвалам, и вполне искренне сказала:

– Я думаю, после тех ролей, которые вы играли, вам это должно быть не очень интересно... И мне ужасно стыдно, поверьте, что я больше ничего предложить вам не могу.

В нашем кино люди редко прибегают к извинениям, и Варлицкий впервые посмотрел на Марину с любопытством.

– Знаете, вы меня удивили, – задумчиво сказал он. – Это какой-то вселенский заговор, что ли? Все понимают, что занимаются чепухой, но... почему-то прекратить никак не могут!

И оба рассмеялись.

– Я не хочу сказать, что советское кино было лучше, – продолжал Леонид Юрьевич, посерьезнев. – Но там все же присутствовало такое понятие, как искусство. Когда все вокруг думают только о деньгах, это ужасно.

– Сейчас все решают рейтинги и сборы, то есть количество зрителей, – вставила Марина. – Но в общем вы правы: это те же деньги.

– Наше кино сейчас напоминает мутный поток, – добавил Варлицкий. – Пошлость, насилие ради насилия и отсутствие оригинальности.

Марина кивнула. В сущности, он только выразил ее собственные мысли. Сотрудничая с самыми разными компаниями, она так и не смогла добиться, чтобы был принят к постановке ее самый оригинальный, самый удачный, как она считала, сценарий. Всем нужны были только детективы, мелодрамы, а в последнее время из-за успеха «Заколдованного интерната» все стали требовать еще и мистику, но обязательно недорогую, и такую, чтобы не напрягать мозги.

«Неглупая, похоже, девочка», – подумал Варлицкий.

– Однако я что-то разболтался. Все киношники одинаковы: все горазды порассуждать о Чехове и Шекспире, а, когда доходит до дела, снимают очередное убогое зрелище и глотку готовы друг другу перегрызть, чтобы протолкнуть его в прайм-тайм на Первый канал».

В бар вошел Геннадий Спиридонов и, увидев, что Марина разговаривает со звездой советской эпохи, нахмурился. Оператор уже решил для себя, что непременно затащит Марину в постель, и, так как он подозревал других окружающих ее мужчин в тех же мыслях, ему не понравилось, что она общается с Варлицким.

– Как вам дедуля? – не удержался он от колкости, когда Марина наконец вернулась к столу Дины и Нади.

– Он прекрасный актер и замечательный человек, – твердо ответила сценаристка. – Извините, мне надо идти.

– Куда?

– Переписывать сценарий.

– Могу проводить вас до номера, – довольно-таки двусмысленно заметил оператор.

– Не стоит.

– А я все равно провожу.

Дина и Надя прервали животрепещущий разговор о шмотках и с любопытством воззрились на насупившуюся Марину и оператора, который явно проявлял настойчивость выше обычного.

– Я не заблужусь.

– А вдруг!

Судя по всему, Геннадий принадлежал к той породе мужчин, которые считают, что если они не отстанут, то рано или поздно добьются своего. Справедливости ради стоит заметить, что такая тактика действительно порой приносит успех, – по крайней мере, с женщинами, которые не умеют говорить «нет». Однако Марина к их числу не относилась.

– Что-то мне подсказывает, что нам по пути, – добавил Спиридонов с широкой улыбкой.

Марина пристально посмотрела ему в лицо и поняла, что тут надо действовать грубостью.

– Старик, мне не нужны пирожки с тухлыми яйцами, – проговорила она. – Оставь их при себе.

И, крепко сжав свою сумочку, она проследовала мимо слегка оторопевшего оператора к выходу. Она ненавидела прибегать к таким выпадам, но бывают ситуации, когда только хамство и способно выручить.

– Вот сука! – сокрушенно молвил Спиридонов ей вслед.

Он хмуро покосился на девушек, прячущих улыбки. Н-да, завтра вся съемочная группа будет судачить о том, что какая-то недоделанная сценаристка дала ему от ворот поворот.

Да что она о себе вообразила, в самом деле? Он оператор от бога, больше двадцати лет снимает фильмы. Даже Голубец, который вначале едва с ним ладил, теперь советуется по поводу каждого кадра и принимает почти все его замечания...

Как и все мужчины, Спиридонов был склонен путать форму и содержание. Когда женщина принимает решение, нравится ей мужчина или нет, она не думает о том, какой он оператор и сколько фильмов наснимал. Она, если угодно, мыслит инстинктом, а как раз инстинктивно Геннадий Ипполитович Марине совсем не нравился.

Вечером оператор выпил больше обычного, и на следующий съемочный день был зол как черт. Он с трудом заставил себя вслушаться в то, что говорил режиссер.

– Наташу снимаем в профиль, – сказал Голубец.

– Нет у нее никакого профиля, – с отвращением ответил Спиридонов. – Ни у одной нашей актрисы, ни у одного актера профиля порядочного не водится. Нет профилей в этой стране! Курносые пятаки и носопырки картошкой в счет не идут...

– Ладно-ладно, не кипятись, – примирительно промолвил режиссер. – Забей.

– На что забить? – подозрительно осведомился Спиридонов, косясь на него.

– Наш оператор сегодня не в духе, – заметила Надя Васе на другом конце съемочной площадки. – Сценаристка его отшила.

– Сценаристка – это которая?

– Да вот она. – Немного удивившись, Надя показала ему Марину, которая стояла в толпе недалеко от Барщака.

– Это в шортах, что ли?

– Да нет, та, которая в синем платье. Видишь?

– И что она тут делает?

– Славу не устроил сценарий, и он ее вытащил, чтобы переписать некоторые сцены. Прямо на ходу... – Надя поколебалась, но потом все же спросила: – Как вчера гонки прошли, хорошо?

– Гонки?

– Ну, вы вроде с Наташей наперегонки ездили, нет?

– А, это! Фигня, я ее обогнал. Да и ездит она на мотоцикле хреново. Продюсер сегодня на меня наорал...

– С чего это?

– Ну, типа мы не имели права этого делать. Если она упадет с мотоцикла или я разобьюсь, что со съемками будет? – Вася пожал плечами. – Я ему сказал, что никакой опасности не было, но он стал орать еще громче. Достал...

– А я бы хотела увидеть, как ты гоняешь, – прищурилась Надя.

Вася скользнул безразличным взглядом по ее многочисленным сережкам, по пирсингу и как-то враз посмурнел. Надя закусил губу, сердясь на себя.

– Вася! – бодро закричал Голубец. – Наташа, Коля, Леонид Юрьевич! Репетируем!

...Актер Андрей Глазов, который заменил попавшего в цепкие объятия зеленого змия Дымова, прибыл вечером. Он попросил пару часов на то, чтобы прийти в себя, а потом Марина в номере продюсера пересказала ему сценарий и передала распечатку сцен с репликами, которые надо было выучить уже к завтрашнему дню.

У Глазова было мясистое лицо, в жизни не слишком выразительное, и холодные карие глаза. Темные волосы он тщательно подкрашивал и неизменно зачесывал назад со лба. Вот лоб у него был хорош – высокий, красивый, но остальные черты больше напоминали прижимистого лавочника или кулака, готового удавиться за копейку. Он играл банкиров, играл бандитов, играл вообще всяких малосимпатичных персонажей, и делал это профессионально, каждый его герой оставался в памяти. У него была постоянная группа поклонниц, состоявшая в основном из дам среднего возраста, которые боготворили его и ходили чуть ли не на все его

спектакли. О нем поговаривали, что он скуп, злопамятен, своего не упустит, и вообще человек не слишком приятный, но обязательный и в работе не создающий проблем. Как такой вроде бы малосимпатичный тип ухитрился пять раз жениться и завести семь человек детей, оставалось загадкой. Еще загадочнее казалось то, что бывшие жены, каким бы скверным ни было расставание, через некоторое время порывались обязательно к нему вернуться и в интервью расточали «милому Андрюше» такие похвалы, что читатель поневоле начинал думать, что у них не все дома, раз они разошлись с таким чудесным, обаятельным и замечательным мужчиной. На Марину он произвел впечатление абсолютно закрытого, непроницаемого человека, и она ломала себе голову, гадая, чего от него можно ожидать.

Похоже, Барщак тоже был не вполне в нем уверен, потому что сказал:

– Слышь, Андрей... Ты, конечно, в курсе, что главную роль играет Наташа...

Однако Глазов оставался все так же непроницаем.

– В общем, я хотел тебя попросить... Ну, ты сам понимаешь... Мы и так отстаем от графика – из-за Дымова... Нам ни к чему лишние неприятности.

– Это все? – спокойно спросил Глазов. – Если так, то я пойду к себе в номер, учить роль.

И он удалился – высокий, спокойный и по-прежнему непроницаемый, как сфинкс. Ах, актер, в восхищении подумала Марина. Ну актер!

Когда сценаристка, получив очередные ценные указания по переработке, тоже удалилась, Барщак налил себе выпить и, не удержавшись, сказал Володе:

– Черт его знает почему, но у меня такое ощущение, что мы влипли... Вроде актеры нормальные, и Наташа особо не капризничает, и дождя нет... но мне все время кажется, что вот-вот случится что-то скверное. Не понимаю, в чем дело...

– Да ладно тебе, – пожал плечами Володя. – Будто ты не знаешь, что начало съемок – самое тяжелое... Надо вкатиться в процесс, а дальше все пойдет само собой. Через месяц ты и думать забудешь про свои заботы...

Однако последующие события показали, что он оказался плохим пророком.

Глава 3

Простая история

Следует отдать Спиридонову должное, он нашел оригинальный способ отомстить неговорчивой Марине. Поговорив с Наташей, оператор убедил актрису, что ее реплики никуда не годятся, и посоветовал довести это до сведения продюсера. Вслед за Наташей диалоги резко разонравились Николаю, чей роман со звездой был в самом разгаре. Барщак обрадовался, что актеры оказались на его стороне, и стал требовать изменить все, причем так, чтобы не менять костяк сценария.

Рыжая Лариса Панова, которой было абсолютно все равно, какие реплики и как произносить, тихо посмеивалась про себя, наблюдая за действиями оператора. Наташа, которая дала себя уговорить, что сценарий вообще никуда не годится, теперь капризничала на каждом шагу. Николай во всем поддерживал ее, и даже то, что Вася, Варлицкий и Глазов заняли нейтральную позицию, не могло повлиять на ход дела. Продюсер окончательно вообразил себя творцом сценариев и предлагал варианты один диковиннее другого, то и дело упрекая Марину, что она не умеет работать как следует. Голубец стал злиться и терять терпение, а тем временем назревали плановые съемки в Бекетовском замке.

– Все, блин, из-за этой сценаристки, – пожаловалась Зинаида Ларисе. – Чего пошла на принцип, спрашивается? Ее бы не убило, а у него бы не отвалилось...

И, так как она питала склонность к крепким выражениям, она не удержалась и почти беззлобно добавила несколько ругательств.

Лариса только хихикнула.

– Да ладно, если съемки продлят – нам больше заплатят, – сказала она.

– Ну так вы актеры, у вас оплата иначе считается, – фыркнула Зинаида. – А нам платят сразу за все съемки. Охота безвылазно тут торчать, смотреть на эти небоскребыши...

Так языкастый Спиридонов прозвал дома в новом районе города, которые героически пытались походить на небоскребы.

...Глядя на «небоскребыши» за окном своего номера, Марина пыталась в который раз переписать диалог героев в замке, чтобы новый вариант устроил и Барщака, и актеров. Продюсер настаивал на первой фразе: «Мне нужно с тобой поговорить». Эта фраза отдавала фальшью так, что начинало ломить скулы, и Марина скрипнула зубами, набивая ее на клавиатуре своего ноутбука.

В дверь постучали.

– Войдите! – рявкнула Марина.

Она была уверена, что это Володя, или один из многочисленных ассистентов, или посланник от продюсера, который срочно требовал ее к себе. Однако на пороге скромно нарисовался языческий бог Вася, который держал в руке свернутый в трубку журнал об автомобилях.

– Привет, – сказал Вася.

– Привет, – вяло откликнулась Марина.

– Ты что, работаешь?

– Да, Барщак хочет завтрашние сцены переделать. А вы что, уже отснялись?

– В общем, да. Коля упал и ногу повредил. Его повезли на рентген, а съемки пока остановили. – И без перехода: – Можно, я пока у тебя посижу? Там опять толпа фанатов набежала...

– Ну сиди, – сказала Марина, пожимая плечами. – Только тихо, потому что я не могу работать, когда шумят.

– Ладно, – согласился Вася, сел и, открыв журнал, словно растворился в окружающем пространстве. Марина переписала диалоги в трех сценах от первой до последней фразы и только тогда вспомнила о его присутствии.

– Извини, я увлеклась, – сказала она. – Ты чего-нибудь будешь? У меня есть пиво, сок и, по-моему, бутерброды.

– Пиво сойдет, – лаконично ответил Вася, опуская журнал.

– А почему ты от фанатов бегаешь? Раньше вроде охотно автографы раздавал...

Актер скривился.

– Дело вовсе не в них, – решил он наконец.

– А в чем? – машинально спросила Марина, доставая пиво.

– Моя бывшая меня нашла.

– Бывшая?

– Ну да. Бывшая невеста. – Вася насупился и стал похож на обиженного ребенка. – Потом у нее появился другой, а я вроде как стал не нужен.

– А потом ты стал звездой и снова стал нужен? – Марина протянула ему банку.

– Тебе ничего не надо объяснять, – заметил ее собеседник с улыбкой. Чавкнула открываемая банка пива.

– И чего она от тебя хочет?

– Она меня нашла через соцсети, письмами забрасывала. Потом узнала, где у нас съемки, и приехала в Дубки. Давай, мол, начнем все сначала. – Вася изобразил подобие улыбки.

– А у тебя, само собой, другие планы.

– Ну... Кто это написал: «Кто предал один раз, предаст и второй?»

Марина не сразу вспомнила, что эта фраза из ее же сценария. Зато она сразу же вспомнила, что именно так сказала бывшему мужу, когда он после долгого отсутствия внезапно нарисовался на пороге ее квартиры.

– Ну да, – согласилась она. – Я так считаю.

– Я тоже. Но она думает, что вот сейчас извинится, я прошу и все забуду. – Вася потемнел лицом. – Меня тогда во Владике охранники ее банкира чуть не пристрелили, между прочим. Я же не хотел ее отпускать...

– Он на ней женился?

– Нет. Но у них теперь двое детей.

Марина пожала плечами и отпила глоток пива. Пить из банки ей никогда не нравилось, и она поднялась, чтобы взять стакан.

– Скажи ей, чтобы она возвращалась к отцу своих детей. У них же любовь была, – глумливо добавила она. – Ну и всякое такое.

– Ну да. Только он с женой не разводится, а Иру держит на коротком поводке.

– Какой облом, – со смешком промолвила Марина. – Само собой, исправить ситуацию можешь лишь ты.

– Я не хочу ничего исправлять, – мрачно ответил Вася. – Я хочу, чтобы она оставила меня в покое. Я из-за нее броситься под машину хотел...

Он умолк, сильно покраснев, и покосился на Марину. Однако она глядела на него с явным сочувствием.

– Ну не бросился, и слава богу. – Она ободряюще улыбнулась.

– Бросился. Только шофер успел затормозить.

– Я надеюсь, ты сейчас ничего такого предпринять не собираешься? – Марина почувствовала тревогу.

– Нет. Конечно, нет. Ты не будешь остальным говорить?

– Что?

– Ну, что я тебе рассказал.

– Никому ни слова. – Она улыбнулась. – Хочешь еще пива?

– Вася где? – спросил в холле Барщак у Володи. – Он мне нужен!

– Опять уехал кататься, наверное, – предположил Володя.

– Нет, его машина на месте.

– Не переживайте, – сказала Лариса, сходявшая по лестнице. – Он у Маринки застрял.

Оператор, тоже находившийся в холле, слегка изменился в лице.

– Да ну! Что он там делает, интересно?

Бывают такие моменты, когда удержаться и промолчать выше человеческих сил, а тем более женских; и Лариса не стала церемониться.

– Обсуждает пирожки, знамо дело, – хихикнула она. – С яйцами.

И рыжеволосая актриса с вызовом встретила взгляд Спиридонова. Что, дорогуша, съел? Не будешь в другой раз обзывать меня тыквой и громко, на всю площадку, орать, что у тыквы короткие ноги и надо для их съемки крупным планом брать дублершу.

– Какие еще пирожки? – заволновался Володя, учуяв неладное. – О чем это вы?

– Так, – победно ответила Лариса. – О кулинарии.

– И давно это у них? – спросил Барщак.

– Конечно, – уверенно заявила актриса. – Только Маринка все делает втихаря, вот никто ничего и не замечал. – Сама она бог весть отчего была склонна считать сценаристку продюжной бестией и вообще дамочкой себе на уме. Вероятно, дело в том, что некоторые люди склонны всех остальных мерить по себе.

Продюсер и его помощник переглянулись.

– Ладно, не будем им мешать, – сказал Барщак и заговорил о другом.

Вечером Марина с удивлением узнала, что у них с Васей, оказывается, давний роман, и речь уже идет чуть ли не о свадьбе. Заскучавшие киношники увидели в несуществующей лав стори отличный повод почесать языки и с готовностью ухватились за нее, расцветив всеми красками своей фантазии.

Единственным положительным моментом оказалось то, что продюсер вдруг сделался куда вежливее и перестал требовать переделок всего, что только можно, за пять минут, а еще лучше – полчаса назад.

– А ты молодец, – процедила Надя сквозь зубы. – Не теряешь времени...

– Дура ты, – потеряв терпение, выпалила Марина. – Нет между нами ничего, ясно? Он просто зашел ко мне, чтобы не пересечься со своей бывшей.

– Какой еще бывшей?

– Которая от него ушла. Помнишь, Дина про нее рассказывала? Теперь она ему на шею вешается, а он не знает, куда от нее деться.

Надя нервно подергала себя за одну из косичек. С одной стороны, ей ужасно хотелось верить, потому что в глубине души она считала, что Маринка Васе совсем не пара. С другой стороны, она не забывала, что в кино никому верить нельзя. С третьей...

– Кстати, я ему намекнула насчет тебя, – добавила Марина.

Сердце Нади словно разом ухнуло в ледяную прорубь.

– Что?

– Ну, что ты на него запала.

– А он что? – Надя затаила дыхание.

Марина и в самом деле сказала Васе, что Надя к нему равнодушна, но актер только поморщился.

– Да ну...

– Да ладно, что тут такого? Она хорошая девушка...

– Что это за девушка, вся в железках? – сердито сказал Вася. – Блин! Тут сережка, там сережка... У нее что, не все дома? Как такое можно целовать и... и вообще?

Марина, не удержавшись, расхохоталась.

– Что тут смешного? – обиделся актер.

– Тебе не говорили, что, когда ты сердишься, у тебя глаза становятся совсем синие?

– Ну прямо уж и синие, – проворчал Вася. Однако не удержался и тоже засмеялся.

Как можно мягче Марина пересказала гримерше слова Васи, добавив, что, если она откажется от железок и примет более женственный вид, не исключено, что у нее есть шанс.

– У тебя с ним точно ничего нет? – подозрительно спросила Надя, буравя собеседницу взглядом.

– Да ну тебя! Вася что, иголка? Если бы он оказался в моей постели, я бы его точно заметила...

– Не забудь вставить эту фразу в сценарий, – посоветовала Надя.

«Ну уж нет, – подумала Марина. – Это фраза из моего прошлого сценария. Ни к чему повторяться. Никто, конечно, не заметит, но...»

К их столу подсели ассистенты, имена которых Марина никак не могла запомнить, и разговор перешел на обсуждение предстоящих съемок.

– У Коли была травма колена, а сегодня он ушиб то же место... Ему надо бегать, драться и прочее, а он не может. Завтра в основном будут сцены с Глазовым и Наташей снимать.

– Будет весело, – хмыкнула Надя. – Он наверняка пожелает на ней отыграться.

Однако Глазов обманул ожидания съемочной группы. Он держался абсолютно корректно и не позволял себе даже замечаний в адрес Наташи или ее любовника. В перерывах между съемками Андрей Иванович сидел и зубрил свою роль, либо вел нескончаемые беседы с Леонидом Варлицким, на курсе у которого когда-то учился в Щукинском. С остальными актерами Глазов подчеркнуто держал дистанцию и как-то незаметно добился того, что вся съемочная группа естественно называла его на «вы» и по имени-отчеству, как и Варлицкого. Даже неутомимый и мало кого уважающий Барщак как-то высказался, наблюдая за этими двумя актерами:

– Зубры, что и говорить! Все сцены с первого дубля...

Надя, героически снявшая пирсинг и сережки, но еще не отказавшаяся от своих торчащих во все стороны косичек, металась по площадке, повинувшись окрикам Зинаиды.

– Тишина, снимаем! – заорал режиссер.

В замковом саду начались съемки одного из самых важных эпизодов. Марина, стоя за стулом продюсера, думала: «И как из всей этой чепухи рождается кино? Только что Андрей Иванович шутил с Варлицким, и вот он уже в кадре, собранный, сосредоточенный, и все эмоции героя у него на лице, и то, что он получает отказ от героини... Как у него горят глаза! Какой отличный актер... Если бы я могла прописать ему роль побольше...»

И тут все впечатление скомкалось, потому что у кого-то в кармане громко заверещала попсовая мелодия сотового. Глазов прервал свою реплику на полуслове и поморщился.

– Кто... вашу мать!.. – заорал Голубец, не сдержавшись. – Стоп!

Глазов поглядел на Наташу, стоявшую напротив него, и едва заметно пожал плечами, словно говоря: кругом одни идиоты, но ничего, мы проведем эту сцену так, как надо, не волнуясь, я здесь. И Наташа, забыв обо всем, ответила ему многозначительной улыбкой и поправила локон, выбившийся из прически.

Сотовый, оживший в самый неподходящий момент, как оказалось, принадлежал продюсеру.

– Извини, – просипел Барщак, – это телефон, по которому мне звонят только в самых важных случаях... Да! У меня съемка! Какого черта...

Он осекся и, слушая, что ему говорит невидимый собеседник, сначала побледнел, а затем покрылся бурыми пятнами.

– Да ты что? В полицейской форме... актриса недоделанная! Да я ее в порошок сотру... Слушай, я сейчас не могу... Я потом тебе перезвоню, хорошо?

Вечером Марина явилась к продюсеру за обычными указаниями, что и как переписывать на этот раз. Однако она застала впечатляющую картину: толстенный продюсер, как колобок, метался по комнате, собирая чемодан. Тут же были Володя, Антон и главный оператор.

– В полицейской форме! – шипел Барщак. – И так загримировалась, что моя мать растерялась... в лицо ее не признала! И отдала Катюку, как последняя дура...

Из последующих путаных объяснений продюсера и реплик окружающих Марина поняла, что жена Барщака только что нанесла ответный удар: взяла с собой любовника, оба они переоделись полицейскими, захватили липовые удостоверения, открыто явились к матери Барщака и забрали ребенка, ту самую Катю, из-за которой и разгорелся весь сыр-бор.

– Я Катюху ей не отдам! – гремел продюсер, потрясая кулаками. – И алиментов она будет иметь у меня две копейки! Я ее в психушку упеку!

И он облил бывшую жену, по совместительству мать своего единственного ребенка, такими грязными ругательствами, что даже выдавшие виды мужчины поежились и опустили глаза.

– Я еду в Нижний Новгород, в аэропорт, и оттуда – в Москву, – распорядился Барщак. – Вернусь через пару дней. На время моего отсутствия главным назначаю... – он скользнул взглядом по лицам, – тебя, Володя. Смотри у меня, отвечать будешь за все!

– Да понял я, понял, – проворчал Володя, – не маленький.

– А любовная сцена твоя мне все равно не нравится, – продолжал Барщак, обращаясь к Марине. – Нет в ней изюминки! Чего-то в ней не хватает, блин... – Он захлопнул чемодан. – Ладно, разберемся, когда я вернусь. Все равно снимаем ее только на следующей неделе...

Отсутствие Владислава на съемочной площадке сказалось сразу же. На другое утро на именном продюсерском стуле киношники не без злорадства обнаружили новую надпись, а именно слово на букву «м», рифмующееся с фамилией Барщак.

– Вы что, совсем охренели? – кричал Володя, оставленный в качестве и.о., но кричал как-то неубедительно, и в голосе его отсутствовал подобающий случаю пафос. Почуввав отсутствие главного, киношники как-то враз расслабились, и даже Глазов позволил себе пару рискованных – и раскованных – острот. Собраться для работы заставили только угрозы Володи ввести персональные штрафы за опоздание и задержку съемок.

В первый день успели благополучно отснять все сцены, а потом... потом в дело вмешалась судьба. Погода испортилась, и полил дождь. Бледнея, Володя посматривал за окно и мысленно подсчитывал издержки производства из-за увеличения съемочного периода, но неожиданное известие, которое он получил из Москвы, заставило его враз забыть обо всем остальном.

– Славу убили!

– Ребята, вы слышали? Барщака зарезали!

– Ох ты!

– Блин!

– Допрыгался он с женой, придурок... Это же она его...

– Да успокойтесь, не зарезали, а только ранили... Вроде выживет...

– Так он не умер?

– Говорят, нет, но врачи пока ничего не обещают...

Слава Барщак, привыкший к тому, что ему все во всем подчиняются, совершил типичную для таких людей ошибку – перегнул палку. Жена его была обычной слабой женщиной, но Слава не знал (или запамятовал), что существует предел, за которым любой, даже самый слабый человек становится непредсказуем и чрезвычайно опасен. Когда Барщак с сопровождающими бугаями вломился в квартиру, где скрывались жена с ребенком, и стал тащить спя-

щую девочку из кровати, осыпая бранью ее мать, она, не помня себя, схватила первое, что попало ей под руку – это оказалась отвертка, – и со всего маху всадила ее продюсеру в живот.

(Тут уже никто не сказал, что во всем виновата тарелка, не разбившаяся в начале съемок. Но все первым делом вспомнили именно ее.)

Вечером Володя, режиссер и оператор собрались в номере Антона, чтобы обсудить, что делать дальше. Также присутствовали Марина и от актеров – Андрей Глазов.

– Черт знает что, – потерянно молвил Голубец, ни к кому конкретно не обращаясь. – И еще этот дождь! – со злостью добавил он.

Высокому, плечистому Антону было под сорок, но он до сих пор чем-то напоминал школьника. Так как по натуре Голубец питал склонность к самоиронии, он носил футболку, где на груди было написано: «Любимый режиссер», а на спине красовалось: «Бессердечный тиран. Руками не трогать. Для некоторых женщин возможны исключения».

– Сильно отстаем от графика? – деловито спросил Глазов.

– Наверстать еще можно, – отозвался Володя. – Меня очень Слава беспокоит.

– Какие у него перспективы? – подала голос Марина. – Он может вернуться на съемки?

– Какие могут быть перспективы с отверткой в печени? – мрачно ответил оператор. –

Еще хорошо, что он вообще не склеил ласты.

«А хорошо ли?» – помыслил Глазов, улыбаясь с легкой иронией. Он не выносил Барщак за его самоуверенность и хамство и ни в коем случае не стал бы скорбеть, если бы тот до срока отправился на небеса.

– То, что Славы с нами нет, ничего не значит, – продолжал Володя.

Глазов вопросительно вздернул бровь, но ничего не сказал. Все и так отлично знали, что Барщак всегда был мотором съемок, и говорить, что его присутствие или отсутствие ничего не решает, значило как минимум передергивать.

– Фильм по-прежнему в производстве, деньги на него выделены, и он должен быть снят. Точка, – твердо сказал Володя. – Со Славой или без Славы – неважно. Так как он назначил меня на свое место, координировать съемки буду я.

– Он назначил тебя, имея в виду, что его не будет пару дней, – сладким голосом напомнил Спиридонов.

– Это не имеет никакого значения, – отмахнулся Володя. – Слава в больнице, в тяжелом состоянии, и если он и появится, то разве что на стадии постпродакшн. Я созвонился с Москвой, и генпродюсер подтвердил мои полномочия. Если у тебя какие-то претензии, можешь созвониться с ним сам.

– У меня нет претензий, – спокойно ответил оператор, скрестил руки на груди и с преувеличенным вниманием стал рассматривать потолок. Однако, когда Марина посмотрела на Спиридонова, он повернул голову и с озорным видом подмигнул сценаристке.

– Этот чертов дождь спутал нам все планы, – пожаловался Голубец. – Надо перекроить план. С завтрашнего дня будем снимать в замке.

– Напоминаю вам, что съемок в замке не так уж много, – не удержался оператор. – Что вы будете делать, если дожди не прекратятся?

Володя пожал плечами.

– Перекроим сценарий и перенесем часть съемок в интерьер или на студию. – Он повернулся к Марине: – Жду ваших предложений по этому поводу. Пока ничего переписывать не надо, но следует быть готовым к худшему.

В тот миг никто еще не мог помыслить, что худшее, которое случится на съемках, окажется таким, что к нему попросту никто не сумеет подготовиться.

Глава 4

Неожиданный поворот

Все интерьерные съемки в замке были завершены за четыре дня, и группа стала ждать, когда прекратятся дожди и можно будет снимать на натуре. А дождь все шел и шел, и не было ему видно ни конца ни края.

Все чувствовали себя уставшими, раздраженными, измученными. Начались мелкие ссоры, которые вскоре перерастали в более крупные конфликты. Перво-наперво подрались две ассистентки, жившие в одном номере «Славы», – одна обвинила другую в краже айпада, и дело дошло до рукоприкладства и выдирания волос. Затем Наташа Теплова сцепилась с Васей Королевым, который упорно не желал замечать ее чар. Николай немедленно принял сторону красавицы, но у этого парня с внешностью боксера была душа труса, и как только он увидел у своей физиономии кулак Васи, он позорно отступил. Володя сорвался и наорал на актеров, причем – возможно, не без причины – припел сюда и Андрея Глазова, который в разборке участия не принимал, а сидел и, холодно щурясь, наблюдал все происходящее со стороны. Решив отыгаться, Наташа избрала в качестве мишени Зинаиду и, расхвалив привезенную кем-то «Зубровку», напоила главную гримершу так, что та на ногах не держалась. Узнав об этом, Володя схватился за голову:

– Господи! Зинке же нельзя пить, она сорвется! Как же меня все это достало...

Бледный и измученный, он напоминал теперь укротителя зверинца, который разбушевался и не желает подчиняться окрикам дрессировщика. Только Варлицкий, сценаристка и, пожалуй, Дина не участвовали ни в каких выходках съемочной группы, а занимались строго своим делом. Во время ливней Дина сделала несколько сотен фотографий замка, и однажды при вспышке молнии у нее получился исключительной красоты снимок, который она показала Марине.

– Потрясающе! – только и смогла вымолвить та.

– Здорово, да? – спросила Дина, гордясь собой. – И заметь, никаких эффектов, никакого фотошопа! Только жаль, что этот снимок никто не оценит. Вот если бы я сняла пьяную Наташку, ко мне выстроилась бы очередь из желтушных газет, чтобы заполучить фотку, а просто замок – кому он нужен?

– Тебе нужен, – твердо ответила Марина. – Это суперфотография. Хотя знаешь, если честно, от всех этих готических химер при свете молнии впечатление немного зловещее. Они не на переднем плане, но все равно их видно. И когда их рассмотришь...

– М-м, – неопределенно отозвалась Дина. – По правде говоря, как раз эти уродцы меня совсем не цепляют. – И не совсем логично добавила: – Как только я их увидела, я сразу же поняла, отчего владелец дома помер в психушке.

Тут Марину позвали для консультации к Володе, и она ушла.

– В среду обещают солнечную погоду, – первым делом сообщил Володя. – Но до среды еще два съемочных дня, и они не должны пропадать. Давайте посмотрим, что еще из вашего сценария мы можем перенести под крышу...

Марина мрачно посмотрела на него.

– Мы уже прочесали весь сценарий вдоль и поперек, – не сдержавшись, проговорила она. – И вчера, и позавчера, и тогда, когда только узнали, что Слава выбыл. И вы же сами сказали, что больше в интерьер ничего переносить нельзя...

– Мариночка, дорогая, вам платят деньги не за то, чтобы вы тут выпендривались, – сказал и.о. продюсера, и сухости его тона позавидовала бы самая сухая вобла на свете. – У нас есть

проблема, и надо ее решить. Съёмки на природе сокращаем, и точка. Я предлагаю сделать вот что...

Его предложения Марине показались совершенно бредовыми. Но она зависела от своих нанимателей и только сказала:

– Может быть, для начала посоветуемся с Антоном? Все-таки он режиссер...

Володя раньше совершенно нормально общался с Голубцом, но после того как занял место Славы, стал третировать Антона в совершенно барщачковской манере: все обязаны делать то, что я хочу, а советоваться я ни с кем не обязан. И.о. начал ворчать, сотрясать воздух, но в конце концов под напором доводов Марины сдался и пробурчал:

– Ладно, зовите этого вашего фаршированного перца...

Антон явился на зов с бутылкой пива и выразил готовность выслушать любые предложения, если они будут в пределах разумного. Но он был слишком хорошим режиссером, чтобы не понять, что улучшения, которые предлагает Володя, только все ухудшат.

– У нас по ходу получаются подряд чуть ли не десять интерьеров, – напомнил режиссер. – Мы что, снимаем дешевый сериальчик? Так, что ли?

– Можно будет вставить перебивки, – вмешался Володя.

– Нельзя, – отрезал Антон. – Любая перебивка – как и любой кадр – должна нести смысловую нагрузку. Виды Бекетовского замка под красивую музычку – это, прости меня, полная туфта. Я уж не говорю о хронометраже, мы еле-еле влезает в формат. Какие еще перебивки?

– А два дня простоя – это нормально? – взвился Володя. – С меня в компании голову снимут за такие фокусы! Ты в курсе, во сколько нам обходится каждый съемочный день?

– Че орешь? Так бы сразу и сказал, – усмехнулся режиссер. – Конечно, лучше, если наши бандерлоги будут заняты делом. Тогда Наташка не будет грызться с Васей, а Зинка не будет искать опохмелку.

– Ну наконец-то ты меня понял, – вздохнул Володя. – Давай думать, что из неснятого по сценарию можно перенести в интерьер.

Но наскрести удалось только на полдня съемок в замке – и те сорвались в последнюю минуту, потому что стало известно, что на два дня старинное имение, гордость края, отдано под свадьбу какого-то олигарха.

– Н-да, – мрачно сказал Володя, узнав об этом. – Будем надеяться, что гости не загадят весь сад и не вытопчут клумбы. Ну и работка у нас!

Вечером в понедельник, измотанный долгим и тяжелым разговором с главами компании, которые были недовольны перспективой увеличения бюджета, а также со Славой, который немного оклемался и изъявил желание дать по телефону сто тысяч ценных и совершенно бесполезных указаний, – словом, почувствовав, что еще немного, и он сломается, Володя напился так, как не напивался никогда прежде. Он проспал до двух часов следующего дня, а проснувшись, первым делом узнал, что Наташа Теплова убита.

* * *

Тело актрисы обнаружила горничная Светлана, делавшая уборку номеров. Вероятно, киношников, считавших, что Дубки должны гордиться их присутствием, немало удивило бы то, что обслуга «Мечты» и «Славы», не сговариваясь, присвоила гостям из столицы емкую кличку «эти свиньи».

Начиная уборку, Светлана без особого энтузиазма предчувствовала, что сегодня ей попадется обычный набор: пустые бутылки из-под спиртного в неограниченном количестве, безнадёжно испачканные простыни, грязные унитазы и ванны. Однако действительность превзошла самые смелые ее ожидания, потому что, постучав в дверь номера Наташи и отворив ее своим ключом-карточкой, горничная вошла и увидела распростёртый на полу труп.

Светлана даже не сразу сообразила, что это такое – настолько увиденное напоминало сцену из дешевых детективов, которые показывали по телевизору. Однако уже в следующее мгновение горничная заметила торчащий из груди актрисы нож, лужу крови около тела, и в глазах у Светланы потемнело.

– Ой, мамочки... – пролепетала она и попятилась.

Пребольно стукнувшись спиной о шкаф, Светлана заметалась, ударилась о косяк двери, выскочила в коридор и что есть духу побежала к лифту. Сердце в ее груди колотилось как бешеное.

– Ирина Федоровна! Ирина Федоровна, там... там убийство!

Сорокалетняя ухоженная Ирина Федоровна, зубастая дама, чем-то неуловимо напоминавшая крокодила в безупречно скроенном костюме, подняла голову. Девушка за стойкой, чью работу администраторша только что явилась проверять, недоуменно вытаращила глаза.

– Света, что с вами? – ледяным тоном спросила начальница.

Но выражение лица до смерти перепуганной горничной говорило само за себя.

– Ирина Федоровна... Там женщина! Мертвая! Их главная актриса... Ее зарезали!

Ирина Федоровна несколько мгновений буравила горничную недоверчивым взглядом, но инстинктивно почувствовала, что возникшее недоразумение явно относилось к таким, которые можно было решить только личным присутствием. Она царственно обогнула стойку и подплыла к Светлане.

– Кого зарезали? Где зарезали? Вот ей-богу, если это какая-нибудь дурацкая шутка, я... Я тотчас тебя уволю!

И, довольная смятением на лице горничной, которая была матерью-одиночкой с тремя детьми, все так же величаво поплыла к лифту.

– Лена! С вами мы потом закончим... – И Светлане: – Давай показывай, что ты там увидела...

Они поднялись в лифте на третий этаж, и горничная безропотно проводила администраторшу до дверей номера.

– Вот... Здесь.

Чушь какая-то, подумала холеная Ирина Федоровна, взявшись за ручку двери. И открыла ее.

После угроз своей спутницы Светлана даже почувствовала некоторое облегчение, убедившись, что труп никуда не делся и по-прежнему лежит на полу. Тихо столбенея, администраторша уставилась на это зрелище.

Наташа Теплова! Красавица! Бывшая модель! Обложки глянцевого журнала... Ведь это же будет новость номер один! А? Или не будет? И в их гостинице! Черт знает что такое... Не могла она выбрать другое место, чтобы умереть?

Но стоп, стоп, все это глупости. Разумеется, произошло убийство, ни о каком самоубийстве или несчастном случае не может быть и речи. А раз так...

– Где ключ?

– У меня, – пролепетала Светлана.

– Во сколько точно ты ее нашла? Полиция наверняка будет спрашивать...

– Только что, Ирина Федоровна! Я вошла и увидела ее... И сразу же побежала к вам.

Ирина Федоровна поглядела на часы и констатировала, что сейчас 14.07. Стало быть, тело обнаружили в два часа дня. Ну что ж...

– Ты что-нибудь трогала?

Светлана энергично замотала головой.

– Я только дверь открыла...

– Полагаю, здесь мы больше ничего сделать не сможем, – заявила администраторша. Она изо всех сил старалась держаться так, словно ничего не произошло, но было заметно, что она явно растеряна. – Ступай вниз и никуда не уходи, слышишь? Я запру номер и вызову полицию.

Светлана кивнула и поспешно вышла за дверь, чтобы оказаться подальше от этого кошмара.

– Тележку свою забери, чтобы не путалась под ногами! – прокричала Ирина Федоровна ей вслед.

Собственно говоря, пора было уходить и в самом деле звать полицию, но администраторша отчего-то замешкалась. Решившись, она достала сотовый, включила камеру и, зачем-то воровато оглянувшись, сделала несколько снимков.

На память? Ну, не то чтобы на память, потому что зрелище было не из приятных, но... Камера есть, почему бы не сделать пару фото? Раз уж она волею судьбы одной из первых оказалась на месте преступления... и вообще, что в этом такого? Ее племянник, к примеру, как-то заснял на мобильный НЛО...

Спрятав сотовый, она вышла, очень прямо держа спину, захлопнула дверь, подергала ручку, спустилась вниз и зашла в свой кабинет, где на стенах висели декоративные веера и несколько красочных фотографий – вид Лазурного Берега, крепость на Родосе, Версаль.

– Алло, полиция? Вас беспокоит Ирина Федоровна Каретина, администратор гостиницы «Мечта». У нас произошла неприятность, то есть не то чтобы неприятность, но... – Надо было собраться с духом и сказать самое главное: – У нас убийство.

– Кто жертва? – спросил скучающий голос.

– Наталья Теплова. Актриса.

На том конце провода повисла заинтересованная тишина.

– Вы обнаружили труп?

– Наша горничная.

– Вы меня не разыгрываете? – подозрительно спросил голос.

– Зачем мне это нужно? Приезжайте, и сами все увидите.

– «Скорую» вызвали?

– Для чего? – изумилась администраторша.

– Врач должен официально констатировать смерть. Ладно, мы сами вызовем.

Тут Ирина Федоровна вспомнила, что должна уточнить кое-что.

– В «Мечте» два корпуса, мы находимся во втором, в котором пять этажей. Я внизу, около ресепшн. Пока я никому, кроме вас, о случившемся не сообщала. Горничная, которая нашла труп, находится здесь. – Тут в ее душе что-то шевельнулось, она вспомнила, что у Светланы трое детей, и добавила: – Но она сейчас в прострации. Она совершенно не ожидала...

– Да, я думаю, никто не ожидал, – хмыкнул голос. – Я только вчера интервью с этой фифой по телику видел... Ладно, ждите нас, мы скоро будем.

– Жду с нетерпением, – пробормотала себе под нос Ирина Федоровна, вешая трубку.

...Интересно, кто ее... так?

Мысль поселилась в мозгу и неотвязно грызла, грызла, глодала ее, как червь. Едва Ирина Федоровна вышла из своего кабинета, девушка Лена, сидевшая на ресепшн, ужом завертелась на стуле и устремила на нее взор человека, изнывающего от любопытства.

– Ирина Федоровна... Что там такое?

– Убийство, – сухо ответила администраторша. И тотчас же добавила: – Тебя не касается.

– Это что, Теплова?..

– Раз сама уже догадалась, чего спрашиваешь?

– Да кто ж ее, Ирина Федоровна?

– Я тебе что, следователь? – по-настоящему рассердилась администраторша. – Пусть эти... как их... компетентные органы разбираются!

Обе женщины услышали сдавленное рыдание и одновременно повернули головы. Плакала Светлана, сидя на диванчике.

– Вызови ей врача, – распорядилась Ирина Федоровна. – Из первого корпуса.

– Так он сейчас обедает...

– Вызови! Человеку же плохо!

Лена выпучила глаза и схватилась за трубку.

– Понимать надо такие вещи! – проворчала администраторша.

Душа ее была полна нехороших предчувствий. Ладно она, все время внизу и постоянно на виду, а Светлане-то каково? Вон в одной передаче прямо говорили, что, кто нашел труп, того и будут подозревать в первую очередь...

Да нет, сказала она себе, это все глупости. Не могла Светлана никого убить, она и мухи не обидит. Но все равно на душе было скверно.

На всякий случай администраторша позвонила в первый корпус «Мечты» и сообщила, что произошло убийство. Если полиция по ошибке заявится туда, пусть их направят во второй корпус, который отстоял от первого на добрую сотню метров и был расположен ближе к лесу.

Пресекая ненужные расспросы, Ирина Федоровна бросила трубку.

Директор «Мечты» сейчас отдыхает в Греции. Звонить ему или не звонить? Конечно, вроде как надо поставить его в известность, но... Он же сейчас далеко. Чем он может им помочь?

У нее вспотели ладони, она почувствовала, что нервничает и злится. Зачем-то она позвонила домой и сообщила, что сегодня может задержаться на работе. Мужу уже лет десять, а то и больше, было все равно, задержится она или нет, доберется домой в добром здравии или попадет под машину. Он вяло выслушал ее и, не задавая никаких вопросов, повесил трубку.

«Вот он удивится, когда я ему вечером расскажу... Хотя нет, у нас городок маленький, все становится известно очень быстро... Он и без меня все узнает».

И она почти почувствовала облегчение, когда на улице томно взвыла сирена и к корпусу подкатила старенькая машина «Скорой помощи». В холл вошла женщина-врач с чемоданчиком, с которой Ирина Федоровна сталкивалась и раньше, когда на банкете в гостинице один из гостей упился до полусмерти и его пришлось натурально возвращать с того света. Евгения Самохина была полноватая, неопрятная, явно махнувшая рукой на свою внешность женщина тридцати трех лет от роду, хотя выглядела она на все сорок пять. Лицо у нее было стертое, уставшее, с тем выражением, какое бывает только у врачей «Скорой», которые видели все и уже ничему не удивляются.

– Однако вы быстро, – сказала Ирина Федоровна.

– От нашей станции до вас десять минут езды, – отрубила Евгения. – Только вернулась, откачивала на Лесной одного наркомана... на фиг, спрашивается? Все равно подохнет. И ему, и родителям было бы легче, если бы он откинулся... Что тут у вас – труп?

– Убийство.

– Актриса какая-то, что ли? – Евгения насмешливо прищурилась. Прядь русых волос сползла ей на левый глаз, но она даже не сделала движения, чтобы поправить прическу.

– Звезда. Наталья Теплова.

– Здорово, – хмыкнула докторша. – Пошли.

– А вы сегодня одна? В прошлый раз вас двое было...

– Напарница уволилась, сказала, что с нее хватит. Слышали, кстати, про новые распоряжения нашего замечательного министерства? Снова будут сокращать финансирование «Скорых». Так что привыкайте, что врач приезжает один... Уроды! А если больной совсем плох и нужны носилки? Не каждый же может до машины добраться...

Ирина Федоровна взяла карточку от номера и вместе с Самохиной поднялась на третий этаж.

– Вот... Тело нашла горничная. Мы ничего здесь не трогали...

– Это вы не мне будете рассказывать, – отрезала Евгения, – а следаку. Мое дело маленькое – установить факт смерти...

Она бегло осмотрела тело, пощупала пульс, поморщилась, села на диван и достала какой-то бланк. Ирина Федоровна осталась в дверях. В коридоре простучали чьи-то каблочки, и через мгновение в номер заглянула востроносая Маша Ларионова, служащая гостиницы.

– Чего тебе? – неприязненно насупилась администраторша.

– Ирина Федоровна, – отчаянным шепотом выдохнула Маша, в то же время с ужасом и упоением косясь на труп, – полиция уже здесь! А Светка плачет и никак успокоиться не может...

– Я вам больше не нужна? – на всякий случай спросила Ирина Федоровна у Евгении.

– Нет, – равнодушно ответила та. – Можете идти.

И администраторша вышла в сопровождении Маши, прикрыв за собой дверь.

– Так это и правда убийство? – спросила девушка, горя любопытством.

– Что тут, по-твоему, игрушки, что ли? – рассердилась администраторша. – Конечно, это убийство! Сто раз говорила Захару Ивановичу, надо камеры поставить на всех этажах... а у нас, как назло, только на ресепшн нормальная камера, а остальные – муляжи! И что я теперь буду полиции объяснять?

Однако Маша, как оказалось, думала совсем о другом.

– Как вы думаете, в новостях про нас расскажут?

– Тебе еще новости подавай! – саркастически хмыкнула Ирина Федоровна.

– А что? Она ведь звезда была как-никак...

Дверцы лифта растворились, и женщины вышли в холл. Светлана сидела на диванчике рядом с врачом, седобородым, успокаивающего вида стариком в очках. Она уже не плакала, а сидела очень прямо, стиснув бумажную салфетку, которой вытирала слезы. Возле стойки, за которой находилась нервничающая Лена, переминались с ноги на ногу двое: молодой вихрастый лейтенант, гладкий и сытый, как довольный кот, и худощавый опер лет сорока пяти с изборожденным морщинами лицом. В руках у лейтенанта был фотоаппарат.

– Это Ирина Федоровна, – пролепетала Лена, – она вам звонила...

– Я капитан Теличкин, а это лейтенант Петраков, – представился тот, что был старше. – У вас тут убийство произошло?

– У нас, – обреченно ответила администраторша.

– Тело женщина нашла? – Капитан кивнул на Светлану.

Н-да. Ловко они взялись за дело, однако.

– Она горничная, – с достоинством промолвила Ирина Федоровна. – Работает у нас второй год, за все время к ней не было никаких претензий...

Полицейские переглянулись.

– Что вы знаете о жертве?

– Теплова Наталья Викторовна, актриса, – ровным тоном говорила администраторша. – Приехала сюда в составе киногруппы для съемок художественного фильма. Сегодня днем наша горничная Светлана пришла делать уборку и обнаружила тело... Это было около двух часов дня. Горничная испугалась и вызвала меня...

– Вы там были?

– В смысле?

– Тело видели? – тоскливо спросил капитан.

– Да.

– И как ее?..

– Зарезали. Ножом.

– Крови много?

– Небольшая лужа.

Капитан Теличкин позеленел. Его коллеги отлично знали, что капитан не выносил вида крови, и, хотя он предпринимал нешуточные усилия, чтобы это скрыть, всем было известно об этой его особенности.

– Врач «Скорой» уже приехала, – добавила Ирина Федоровна.

– Мы видели их машину у входа, – кивнул лейтенант.

Тоже мне, Шерлок Холмс нашелся, мрачно подумала администраторша.

– Ну че, пошли? – деловито спросил Петраков у коллеги.

– Я со свидетелем разговариваю, – промямлил Теличкин. Он отчаянно пытался оттянуть момент, когда надо будет подняться наверх и увидеть то, во что превратилась красивая некогда женщина. – Скажите, Ирина Федоровна, вот вы производите впечатление умного человека...

Угу. Щас он спросит, не знаю ли я, кто ее пырнул. Целыми днями за ней следила, знамо дело. Только и подстерегала момент: а вдруг ее зарежут? Делать мне нечего!

– Как вы объясняете себе случившееся? – капитан прищурился.

– А я тут при чем? – пожала плечами администраторша. – Или это какой-нибудь маньяк, или...

– Или?

– Может быть, кто-то из киногруппы. Я не знаю.

– Кто конкретно из киногруппы? Кого вы имеете в виду?

– Я несколько раз видела, как она ссорилась с людьми, – помедлив, призналась администраторша. – А вообще я слишком мало о ней знаю, чтобы делать какие-то выводы.

– С кем она ссорилась?

– С девушкой по имени Марина, например. Она у них сценаристка или что-то вроде того.

– И что было причиной ссоры?

– Какие-то женские счеты, как я поняла. Покойная актриса ей утром сказала... то есть тогда она еще не была покойной...

– Мы поняли, поняли. Продолжайте.

– Ну, в общем, это была грубость чистой воды. Эта Марина ходит в очках, а актриса ее обозвала четырехглазой змеей. Ну и еще всего ей наговорила до кучи в том же роде.

Дверцы лифта открылись, и в холле показалась Евгения.

– О-о, какие люди... Привет, Тимофей.

Она крепко, по-мужски, пожала руку капитану.

– Справку о смерти тебе оставить или следователю? Кто будет следователем, кстати? Илюшин?

– Он сейчас в отпуске. Что можешь сказать по поводу трупа?

– А ты не хочешь сам на него взглянуть? – насмешливо прищурилась Евгения.

Теличкин скривился.

– До смерти хочу! Знамо дело, мертвые бабы – охренеть какое зрелище...

– Да она не так уж страшно выглядит в принципе, – пожала плечами Евгения. – Короче, это убийство, произошло сравнительно недавно, час назад или около того. Точнее скажу после вскрытия.

В кармане у Теличкина зазвенел сотовый.

– Слушаю... Ясно. Да, она здесь. Понял. Отбой...

Он повернулся к Евгении.

– Следак и эксперт уже подъезжают, сейчас будут. Следак велел тебе пока никуда не уходить. У него могут быть вопросы, и ему может понадобиться твоя помощь. Во как!

– Так кто следователь-то?

– Да вот он, – сказал лейтенант, кивая на входную дверь. – Легок на помине...

И следователь, которому предстояло раскрыть убийство Натальи Тепловой, вступил в холл.

Глава 5

Быстрый и мертвая

Скажем сразу же, что администраторша была разочарована.

Ирина Федоровна ожидала увидеть человека как минимум средних лет, с пронизывающим (непременно) взором и умным лицом. Она не возражала бы против волевого подбородка, очков или даже трубки, учитывая, что и комиссар Мегрэ, и сыщик с Бейкер-стрит отдавали предпочтение ей. Однако вошедший во второй корпус гостиницы «Мечта» (который вскоре с легкой руки кого-то из журналистов превратится в «Мечту мертвеца») опрокинул все представления почтенной дамы о том, каким должен быть следователь.

Во-первых, он был молод. Лет тридцати или около того.

Во-вторых, он шагал легкой, стремительной походкой, которая совершенно не вязалась с его профессией.

В-третьих, он напоминал кого угодно, только не следователя. Весь какой-то взъерошенный, темные волосы коротко стрижены и торчат во все стороны, глаза серые, и взгляд не пронизывающий, и подбородок не волевой. Да и одет вновь прибывший был как-то несерьезно – в джинсы и ветровку, на которой блестели капли дождя. В руке он держал небольшую черную сумку, и даже у сумки был какой-то несолидный вид.

– Здорово, Паша, – сказал лейтенант, пожимая ему руку.

Теличкин протянул свою руку вторым, из чего можно было сделать заключение, что следователю больше симпатизировали его ровесники, чем старшее поколение. Впрочем, с таким же успехом можно вообще не делать никаких заключений, потому что капитан вовсе не был обязан первым приветствовать взъерошенного.

– Доктор Самохина, – объяснил Петраков, кивая на Евгению.

– Мы уже встречались, – засмеялась Евгения. – Ты Паша Малышко, верно?

– Верно. Это ведь вы давали заключение по поводу трупов в сгоревшем доме?

– Угу. Ну что у нас за жизнь такая, а? Как ни встретимся, все трупы, трупы...

Полицейские заулыбались. Ясное дело, фирменная шуточка, кисло подумала Ирина Федоровна. Как же этот сопляк будет раскрывать такое преступление? Не справится он, нипочем не справится. Небось все стрелки на Светку переведет, зараза. В точности как в телевизоре говорят.

– Ну что там? – спросил Павел.

– Женщина, актриса. Убита ударом ножа в сердце.

Теличкин кратко перечислил то, что уже было известно. Тело нашла горничная около четырнадцати ноль-ноль, полицию вызвала администратор...

– Появится эксперт Леонов, отправьте его наверх, – распорядился Малышко, обращаясь к Ирине Федоровне. – Просьба к горничной никуда из гостиницы не уходить... – Он повернулся к полицейским и докторше: – Пошли.

– Я ничего нового не скажу, – заметила Евгения. – Чтобы точно узнать время смерти, надо делать вскрытие.

– Все равно. Вы мне нужны.

Двое полицейских, следователь и доктор вошли в лифт и скрылись из глаз.

– Господи, – прошептала Лена, – неужели это случилось у нас?

Ей никто не ответил. Доктор, похрапывая, поднялся с дивана и удалился – наверняка разносить сногшибательную весть о том, что во втором корпусе «Мечты» убили звезду. Светлана с выражением отчаяния на лице смотрела перед собой, машинально комкая салфетку.

– Света! – окликнула ее Ирина Федоровна. – Чаю хочешь?

– А? – Горничная затравленно оглянулась. – Нет, спасибо... Мне сейчас кусок в горло не полезет.

«Что я ей скажу? – с ожесточением подумала администраторша. – Что она ни в чем не виновата? Что ее никто не подозревает? Приехал... черт знает кто, ежик какой-то... дикобраз недоделанный! Следовательно, тоже мне! Вот тебе и компетентные органы...»

Наверху лейтенант Петраков щелкал вспышкой, делал фотографии. У него был блог в Сети, и он заранее предвкушал, какой эффект произведет его сообщение о том, что он участвует в расследовании убийства, которое наверняка на шумит на всю страну. Не каждый день грохают звезд, черт побери!

Малышко меж тем осматривался, и его серые глаза, взгляд которых стал чрезвычайно сосредоточенным и цепким, примечали каждую подробность. Теличкин остался в коридоре, возле двери, стараясь не глядеть в сторону трупа, и мечтая только об одном – чтобы его не затопило. Евгения со своим чемоданчиком неподвижно застыла в дверях.

Так, занавески задернуты и закрывают окно... Почему, ведь уже не ночь и даже не утро? Следователь посмотрел на вид за окном – лес, а на возвышении виден Бекетовский замок. Правда, сейчас, в дождь, это была не слишком отрадная картина, но все же, все же... Рядом с дверью стандартная бумажка, призывающая не курить, однако на круглом столике блюдечко, и на нем – несколько окурков, от которых исходит соответствующее амбре... На окурках видны легкие следы помады – такой же, как на губах убитой актрисы.

Изучив обстановку, Павел наклонился над трупом.

– Мне нужно точное время смерти, – негромко промолвил он.

– Я бы сказала, от часу дня до двух. Возможно, ближе к двум. Кровь частично свернулась, но тело еще теплое. Правда, стоит учесть, что в комнате жарко... Поэтому я и настаиваю на вскрытии, чтобы не гадать зря.

Где-то громко заверещал мобильный телефон. Теличкина аж передернуло.

– Это не у меня, – поспешно сказал Петраков.

– И не у меня, – заметила Евгения.

– Ее сотовый, что ли?

Паша подошел к дивану, на котором лежала сумочка, вытащил из кармана латексную перчатку, надел ее и аккуратно выудил из сумочки мобильный телефон.

– Три пропущенных звонка, – констатировал он. – Последний раз она говорила по телефону в тринадцать часов тринадцать минут.

Присутствующие переглянулись. Разумеется, это было чистое совпадение, но цифры отдавали зловещей многозначительностью.

– Первый пропущенный вызов в тринадцать сорок две, – добавил Паша. – Возможно, в это время она была уже мертва. Трудно предположить, чтобы она не услышала такой громкий звонок, если бы была жива...

Петраков чихнул.

– Будь здоров, – сказала Евгения.

– Спасибо, – ответил лейтенант. – Видеосъемку делать?

– Обязательно, – кивнул Паша.

Когда видео было снято и все важные детали зафиксированы, он снова подошел к убитой и, присев на корточки, о чем-то задумался.

– Что-то не так? – подал голос лейтенант.

– Угу.

– И что?

– Ну... – Следователь вздохнул. – Красивое платье, украшения, макияж, прическа... Тебе это ни о чем не говорит?

– Она же актриса.

– Я помню, но перед нами труп девушки при полном параде. Это наводит на мысль, что она кого-то ждала. И при этом она лежит на полу...

Он замолчал, сосредоточенно покусывая нижнюю губу. Между его бровей пролегли тонкие морщинки. Теперь ему можно было дать не тридцать лет, а гораздо больше.

– Почему под телом кровь?

– Что? – удивился лейтенант.

– Удар нанесен прямо в сердце, спереди. Крови должно быть немного на одежде со стороны груди. Почему под телом лужа крови? Откуда она взялась?

Евгения нахмурилась.

– Я не трогала тело, потому что знаю, как ваши этого не любят, – призналась она. – Может быть, ранение сквозное? Или ее ударили в спину?

Однако никто не успел ответить на вопрос следователя, потому что в дверях появилось новое лицо – седовласый мужчина лет шестидесяти, похожий на профессора. Он нес чемоданчик чуть меньше того, который держала Евгения.

Завидев вновь прибывшего, Павел поднялся на ноги.

– Здравствуйте, Дмитрий Валерьянович, – сказал он.

– Всем желаю здравствовать, – бодро отозвался эксперт Леонов, встряхнув руку Малышко. – И процветать, само собой... – Он шагнул вперед и увидел труп. – О! Красивая девушка была, однако.

– Точно, – кисло подтвердил Теличкин.

– Иногда я не люблю свою профессию, – продолжал Леонов. – Такая приятная барышня – и мертвая... – Он повернулся к Петракову. – Ты все заснял? Ничего не пропустил?

– Все, все, не волнуйтесь...

– Дмитрий Валерьянович, мне нужны отпечатки пальцев, – вмешался Павел. – Неплохо бы также изучить все эти окурки. И я хочу понять, почему под телом лужа крови, хотя удар был нанесен спереди.

– Надо ее поднять и посмотреть, нет ли ран на спине, – подала голос Евгения.

– Присоединяюсь, – заметил Леонов. – Только сначала дайте мне как следует тут осмотреться. Мало ли что...

Следователь обернулся к Теличкину, который по-прежнему переминался с ноги на ногу в дверях номера.

– Ты все еще здесь?

– А я что, тебе не нужен? – мрачно спросил капитан.

– Нужен, только в другом месте. Спустись вниз, сядь в холле и слейся с обстановкой. Внимательно слушай, кто что будет говорить об убийстве. Какие предположения, и прочее. Вообще присмотришься, что да как. Ты меня понял?

– Понял, – кивнул тот. – Не маленький...

И, довольный тем, что ему не придется больше находиться там, где произошло убийство, он повернулся и быстрым шагом направился к лифту.

* * *

– Это что, какая-то шутка? – недоверчиво спросила Дина.

– Говорят, ее зарезали, – пробормотала Надя. – Видела машины у входа? Менты и «Скорая»...

– Да ну, ерунда какая-то!

– Я тебе точно говорю!

В холл спустилась Марина, и девушки тотчас вцепились в нее.

– Марин, ты слышала?

– Что?

– Наташку убили...

– Кошмар какой! Когда?

– Сегодня... Я же ее видела за завтраком! – Дина поежилась. – Ну жуть...

Марина вспомнила, что тоже видела Наташу не далее как сегодня утром, что актриса казалась еще более оживленной, чем обычно, и сценаристке сделалось не по себе. Убийство. Преступление. Глупость какая-то! С чего Наташе умирать? Смерть совершенно не в ее характере...

– Что это за шутки? – нервно спросил Голубец у Спиридонова в другом конце холла. – О чем они говорят?

Антон утром уезжал по делам и только что вернулся.

– Ходит слух, что Наташку прикончили, – хладнокровно сообщил оператор. В его черных глазах бог весть отчего мелькнули озорные искорки, словно он находил гибель актрисы невероятно смешной.

– Ты что, смерти моей хочешь? – возмутился режиссер. – Как я без нее буду фильм снимать?

Тут он увидел Теличкина, который, криво закрывшись журналом, тщетно пытался слиться с обстановкой; служащих гостиницы с перекошенными лицами и бледную, как смерть, горничную, которая с кем-то горячо разговаривала. В атмосфере явно витало напряжение, и Антон его почувствовал.

– Нет, – пробормотал он, все еще не веря, – нет, этого не может быть!

– Антон Иванович! – К нему подбежала Дина. – Антон Иванович, это правда?

– Я ничего не знаю! – рассердился режиссер. – Все это похоже на какой-то бред! Где Володя?

– Отсыпается, должно быть, – пожал плечами Спиридонов. – Он вчера напился.

– Нашел тоже время напиваться! – возмутился Антон и взялся за сотовый.

Он дозвонился до Володи, который все еще спал, и, услышав невнятный ответ, довел до сведения и.о., что в гостинице творится что-то странное и люди говорят, что Наташа Теплова убита.

– Хорош меня разыгрывать, – зевнул Володя.

Тут нервы у Голубца не выдержали.

– Третий час дня! – заорал он. – Какого черта ты дрыхнешь?

– А, так ты придумал эту бредятину, чтобы я быстрее проснулся? – с иронией осведомился и.о. – Так бы сразу и сказал! Ни черта у тебя не вышло, потому что я тебе не поверил! Пока!

И он бросил трубку.

Через несколько минут холл стал напоминать гудящий улей. Ежеминутно кто-то прибежал и убегал, слышались охи и ахи, трезвонили мобильники. Приехала еще одна группа полицейских, встали у лифтов и на лестницах и вежливо, но твердо выпроваживали всякого, кто хотел подняться наверх, в номера, а также зевак и посторонних, которые пытались проникнуть в гостиницу. Леонид Варлицкий, сидя в углу, с изумлением наблюдал за происходящим. В другом углу собрались те, кто обычно сидел за одним столом с Наташей: Коля Смолин, Зинаида и Лариса Панова. К ним после небольшого колебания присоединился Андрей Глазов, а вскоре подошел и оператор.

– Труповозка приехала, – доложил он, блестя глазами.

Двое дюжих служителей снесли вниз нечто, обмякшее в черном мешке. Все разговоры в холле тотчас прекратились, и все следили, как черный мешок плывет мимо, мимо и дальше, за стеклянные двери, в современную ладью Харона на четырех колесах. Несколько человек украд-

кой сделали фотографии на свои мобильные. Надя стояла, вцепившись в руку сценаристки, с глазами, полными слез.

– Какой кошмар, – прошептала девушка.

Из лифта вышла угрюмая докторша «Скорой» и прошествовала к выходу, ни на кого не глядя. За дверями гостиницы вокруг нее мотыльком заметался бойкий корреспондент, но сколько ни суетился, не мог выжать из Евгении ни слова в ответ на свои расспросы.

Коля, Зинаида, оператор и Лариса переглянулись с видом заговорщиков.

– Даже страшно представить себе, какой их ждет облом, – пробормотал Спиридонов себе под нос.

– И не говори, – кивнул Коля.

– Зато кое-кому будет отличный пиар, – хладнокровно уронил Глазов.

Он стоял, скрестив руки на груди, и пытался делать вид, что происходящее ни в коей мере его не касается, но напряженное выражение глаз выдавало его.

– А где Вася? – неожиданно спросила Надя.

В суматохе она совершенно о нем забыла, но теперь – теперь его отсутствие среди них полоснуло ее по сердцу нехорошим предчувствием, как ножом. Услышав, что произошло убийство, они все собрались здесь. Почему же Васи нет?

– И Володи тоже нет, – сказала Дина упавшим голосом.

Однако Володя спустился через минуту, и лицо у него было ошарашенное, как у первоклассника, которому злой учитель задал задачу, подходящую разве что для университетского курса математики. Он бросился к Антону, возбужденно жестикулируя.

– Убийство! Зарезали, как... как не знаю кого! Что же мы теперь будем делать? Две трети материала придется переснимать! Боже мой, какой ужас!

Он схватился за голову.

– А Володя наш прямо убивается, – заметила востроглазая Лариса, косясь в его сторону.

– Ну и пусть убивается, – отозвался бессердечный, как и его герой, Коля. – Ему полезно.

– Добрый ты человек! – с иронией заметил Глазов.

– И не говори, – хмыкнула Зинаида. – Интересно, что теперь будет?

– Как – что? – Лариса сделала большие глаза. – Следствие. Кто убил, как убил, за что убил... ну и все прочее. – Она хихикнула.

Несколько полицейских, собравшись возле стойки, негромко переговаривались. К ним вскоре присоединился тип, вышедший из лифта, – лохматый малый с простоватым лицом, одетый в штатское.

– Этот, что ли, у них главный? – недоверчиво спросил Коля. – Неудивительно, что они не могут отличить труп от...

Зинаида с силой ущипнула его за руку.

– Ты sdурела, что ли? – возмутился актер.

– Язык придержи, – проворчала гримерша. Тип меж тем заговорил с Ириной Федоровной, не обращая на киношников никакого внимания.

– Сейчас он объявит, что произошло убийство, – вздохнула Лариса. – Господа! Мне надо сообщить вам...

– ...Пренеприятное известие... – сквозь зубы подхватил Глазов.

Он оглянулся на Варлицкого, который с удивлением смотрел на их оживленную группу, и прикусил язык, досадуя на себя.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.